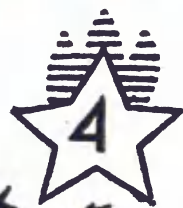

Искорка

Это публикуется впервые

(Читай очерк Я. Длуголенского и Г. Петрова
«История одного поиска» на 2-й странице
журнала)

№ 4

Апрель 1964 г.

Ежемесячное приложение к газете
пионеров и школьников
«Ленинские искры» — орган Ленинградского
промышленного и сельского областных
комитетов ВЛКСМ, Ленинградского
Горкома ВЛКСМ и Ленинградского Совета
пионерской организации имени В. И. Ленина

Н. Новосёлов

У памятника Ильичу

Стоит он перед нами, как
живой, —

Без кепки,
С непокрытой головой...
Мы различаем бровь его крутую,
Прищуренного взгляда теплоту,
Высокий лоб,
Улыбку молодую,
Лица родного каждую черту.
Ему трибуной — башня броневая,
Устремлена вперёд его рука...
И вся страна,
От края и до края,
Видна ему сейчас с броневика.
Лежит она от Кушки

до Таймыра,
От островов Курильских
до Карпат.

И на неё
Простые люди мира
С надеждою великою глядят.
Над нами знамя Ленина лучится,
И нам шагать под ним — плечо
к плечу,

По-ленински бороться
и трудиться,
Всегда, во всём — у Ленина
учиться

И строить жизнь свою —
По Ильичу!

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОИСКА

Началось с того, что нам поручили написать в газету о первом памятнике Владимиру Ильичу в нашем городе. Задание показалось нам несложным: стоило только открыть любой справочник по истории Ленинграда, позвонить в любой музей и — садись пиши.

Но всё получилось не так, как думалось.

БЕЗЫМЯННЫЙ ПАМЯТНИК

Знающие люди говорили:

— Первый памятник Ильичу — у Финляндского вокзала...

— Нет, — возражали другие, — первый памятник — на «Красном выборже».

Книга, которую мы взяли в качестве беспристрастного судьи, точно указала дату: первый памятник Ильичу воздвигнут 8 августа 1926 года на Невском машиностроительном заводе.

Теперь оставалось собрать материалы об авторе памятника, встретиться со старыми рабочими, которые были свидетелями открытия монумента в двадцать шестом году, разыскать фотографии, связанные с закладкой и открытием памятника, и — сесть за статью.

— Вот видишь, как всё хорошо, — говорили мы друг другу. — Не пройдёт и недели, как мы положим на стол редактору готовый материал, а ещё через пару дней все ребята узнают о первом памятнике Ленину!

— Но они не знают, сколько всего памятников Ленину в Ленин-

граде! Это ведь тоже интересно! Кстати, а сколько всего?

На секунду нам стало неловко, потому что никто из нас точно не знал, сколько же памятников Ленину в нашем городе.

— Давай считать. У Финляндского вок-

зала — раз, на «Красном выборже» — два, на Машиностроительном — три, у Смольного — четыре, во дворе завода «Ильич» — пять...

Дальше пришлось обратиться к книге. Выяснилось: на Большом проспекте Васильевского острова — шесть, на территории завода «Большевик» — семь...

И вдруг — неожиданность. Ниже строчкой читаем: «В сквере при пересечении Чкаловского проспекта с улицей Ленина в тридцатых годах поставлен каменный бюст В. И. Ленина работы неизвестного скульптора...»

Что за безымянный памятник в центре города?! Странно получается: имена скульпторов и архитекторов всех других памятников известны, есть точные даты, а тут — начисто забыт и скульптор и время, когда бюст установили в сквере...

Надо выяснить.

И снова звоним в музеи, рассылаем письма в архивы.

Ответы получаем похожие друг на друга, как две капли воды:

«Сведений никаких не имеем»...

«Помочь ничем не можем»...

Ну что ж, решили мы, будем пока собирать материалы о первом памятнике Ленину, а параллельно займёмся розысками неизвестного скульптора бюста...

Поиски вышли за стены редакции. Теперь уже одними телефонными звонками не обойдёшься.

А памятников Ленину в нашем городе, узнали мы, двадцать семь.

НЕОЖИДАННОСТЬ

Автор памятника Ленину на Невском машиностроительном заводе — скульптор Матвей Яковлевич Харламов. Памятники Ленину его работы стоят также на «Красном выборжде», на территории Морского завода в Кронштадте, на улице Швецова, 23. Все эти сведения мы нашли, конечно, в книгах. Но ни одна книга не смогла нам рассказать о самом скульпторе: когда он родился, где жил, как работал?

Мы обращались в Публичную библиотеку имени Салтыкова-Щедрина. Там не смогли ничего ответить.

Пошли в библиотеку Академии художеств. И там тоже данных о Харламове не оказалось.

Как же писать о памятнике, не зная о самом скульпторе?

И тут в редакции раздался телефонный звонок. Звонила сотрудни-

ца Музея городской скульптуры. Она знала о наших поисках и приготовила настоящий сюрприз.

— Но то, что я вам скажу, нельзя принимать на веру! — предупредила нас собеседница. — Потому что это не точный факт, а так... легенда. Её мне рассказал бывший смотритель музея-квартиры Владимира Ильича Аркадий Алексеевич Резцов...

Достали карандаши, приготовились слушать.

— Говорят, бюст на Чкаловском проспекте — первый памятник Ленину в нашем городе. Будто бы сам бюст стоял раньше в доме, где сейчас квартира-музей, а потом его перенесли в скверик...

Телефонную трубку давно повесили, в трубке раздавались гудки, а мы размахивали руками и не могли нарадоваться: вот это новость так новость! Вот это неожиданность так неожиданность!

— А собственно, чему мы радуемся? — повесив трубку, спросили мы друг друга. — Если на Машиностроительном заводе известен скульптор, то здесь даже имени нет... Может, легенда — только легенда и бюст поставлен действительно в тридцатых годах?

За ответом отправились в квартиру-музей Ленина.

ДОМ — 48

Медленно поднимаемся по широкой лестнице. Медленно не потому, что устали. Просто хочется представить, как по этим же каменным ступеням шагал Владимир Ильич. Быстро, стремительно? Или медленно, не торопясь? Может, обдумывал очередную статью, которая должна была появиться в «Правде»?..

А вот — квартира. Раньше она была под номером 24. Здесь Ленин жил в апреле семнадцатого года, когда приехал из-за границы в Петроград. Здесь написал более 150 заметок, статей, брошюр, воззваний. Заведующая музеем провела нас по комнатам, показала вещи, книги Ильича.

— А что вам известно о бюсте, который стоял здесь, в этом доме, в двадцатых годах?

— Ничего, — ответила заведующая. — Я здесь работаю недавно. Поговорите лучше...

— С Аркадием Алексеевичем Резцовым?

— Да. Он сейчас на пенсии. Вот его телефон.

Тут же, из ленинской квартиры, звоним Аркадию Алексеевичу.

— Как же, как же! — обрадованно говорит он. — Был бюст. Стоял на лестнице. В первом этаже. Я, правда, сам его не видел, но знаю по рассказам старожилов...

— А кто автор бюста? Как фамилии старожилов?

— Автора, к сожалению, не знаю. Об авторе разговор не заходил. А вот старожилы — у меня их целый список. Обратитесь хотя бы к профессору Попову, в квартиру двадцать шесть. Он в этом доме

живет чуть ли не с двенадцатого года...

— Вот это — здорово! Живой сосед Ленина! Уж Попов-то расскажет нам всё!

Владимир Фёдорович слегка удивлен нашему приходу:

— Бюст Ленина, говорите? Нет, не припомню... Вот Владимира Ильича видел. Не раз. Он часто говорил по телефону из вестибюля. Раньше там стоял телефон... Две будки...

Мы неловко прощаемся и спешим вниз.

— А вы кого здесь, молодые люди, ищете? — Перед нами невысокий пожилой человек с бородкой. Бородку оглаживает. На нас смотрит, словно говорит: «За делом пришли — помогу, без дела шатаетесь — отважу...»

— Старожилов ищем, — отвечаем ему.

— Старожилов? А чем я не старожил? С двадцать второго года... Зачем вам нужен?

Смотрим в свой список. Да, есть в нём старожил Мухин.

— Николай Михайлович?

— Николай Михайлович.

На удивление подвижным, бодрым и даже задорным человеком оказался этот Николай Михайлович!

— Ленина? Нет. Ленина самого не видел... А вот бюст помню прекрасно. Сейчас и место, где он стоял, покажу...

Идём за Николаем Михайловичем.

— А профессор Попов...

— Не помнит, говорите? Ай-ай-ай... — всплеснул на ходу руками. — Не тот стал Владимир Фёдорович на память... Годы, знаете, берут своё... Но ведь в нашем доме есть ещё старожилы, которые бюст помнят... Вот здесь он и стоял...

Николай Михайлович выводит нас на круглую лестничную площадку между первым и вторым этажами.

— В этой нише, как раз где окно, и стоял бюст. На красном деревянном пьедестале... В какие

годы?—Николай Михайлович смущённо мнётся, теребит бородку. — Н-да, не твёрдо помню теперь годы... Вроде, Ильича не было уже в живых... Да сейчас мы выясним, в какие годы... Идём к старожилам.

И Николай Михайлович бодро зашагал с этажа на этаж.

КОНСИЛИУМ

Старожилы Екатерина Фёдоровна Жукова, Александра Константиновна Кунтер и другие в один голос сказали:

— Был бюст. Мы ещё об этом

бывшему хранителю музея сообщали. Не то из гипса бюст, не то из цемента...

— А автор кто?

— Харламов, — чуть не хором ответили старожилы.

— Что?! Вы... не путаете?!

— Да как же мы можем путать! — От такого незаслуженного подозрения у Николая Михайловича даже взъерошилась борода. — Я лично эту фамилию чуть ли не каждый день видел: с тыльной стороны бюста, когда пыль обтирал... Я тогда был мальчишкой и помогал отцу. Он работал дворником. Ещё как этот бюст в красный

уголок переносили, помню... Осторожно несли...

— Какой красный уголок?

— А до того, как стала ленинская квартира музеем, был там у нас красный уголок. Читальня.

— Пойдите, — вдруг встревожились мы, — вот вы сказали, что бюст был гипсовый... Оговорились, наверное...

— Нет, не оговорились. Гипсовый или цементный. Сейчас точно не помню... А в сквере — это уже другой бюст, каменный. Но точная копия нашего, — ответила Александра Константиновна.

— А ваш где?

— Пришли однажды из Музея городской скульптуры и забрали. Давно уже...

Сведения важные, для нас — почти открытие.

Но теперь вместо одной загадки появилось целых пять:

1. Мы по-прежнему ничего не знаем о скульпторе Харламе.

2. Нам нужно выяснить, когда точно был установлен этот первый памятник Ильичу.

3. Где взяли скульптуру жильцы ленинского дома (тех, кто мог бы ответить на этот вопрос, давно уже нет в живых).

4. Куда делся гипсовый (или цементный) оригинал.

5. Кто и когда сделал каменную копию и перенёс её в сквер.

Да, ещё слишком много неизвестных!

ДВУМЯ НЕИЗВЕСТНЫМИ МЕНЬШЕ

На следующий день мы набираем телефон, который выучили уже наизусть. Звоним в Музей городской скульптуры. Спрашиваем:

— Что же происходит с бюстом, товарищи? Он у вас?

— У нас, — отвечают. — А мы разве этого вам не говорили?

— Не говорили. И даже, что он харламовский, не говорили...

— Харламовский?! А это для нас новость! Бюст был доставлен к нам в сильно повреждённом виде, имени скульптора на нём не было...

— А кто и когда перевёл его в камень?

— Гранитчики мастерской художественного фонда, в 1960 году. Но теперешний бюст — точная копия старого. Старый стоял в сквере уже в 1930 году.

ВСЁ-ТАКИ — ПЕРВЫЙ!

В газетном зале Публичной библиотеки, куда мы пришли, нам вручили подшивки ленинградских газет за 1924—1926 годы. Не может быть, чтоб в газетах того времени ничего не писалось о первых памятниках Ильичу!..

Это были долгие поиски.

Мы просматривали одну желтевшую подшивку за другой.

И вот, наконец...

«Новая вечерняя газета» от 1 июля 1925 года сообщала: «Скульптор Харламов закончил работу над новым бюстом Владимира Ильича Ленина. Это не первая работа скульптора над образом вождя. Ещё в 1923 году...»

Так, значит, Харламов ещё в двадцать третьем году лепил по многим ленинским фотографиям скульптурный портрет вождя!

И вдруг... маленькая замечочка:

«К 13 января 1925 года в губернию отправлено уже 120 бюстов Ленина по модели Харламова».

Но если к 13 января двадцать пятого года в губернию было отправлено уже 120 бюстов, то эти бюсты отправлялись и в декабре, и в ноябре, и, допустим, в августе и июле. Один из этих бюстов попал в домовый комитет дома № 48 (сейчас № 52). Теперь ясно окончательно (ведь даты, названные старожилками и в газетной заметке, совпадают), что бюст Ленина в ленинском доме — первый.

И словно для того, чтоб окончательно поднять наше настроение, газета от 13 января 1925 года сообщает: «11 января сего года открылась читальня в доме № 48, где в апреле семнадцатого года жил Владимир Ильич».

Пусть нет пока абсолютно точной даты, но с уверенностью мож-

но сказать: бюст Ленина стоял в доме № 48 уже в конце двадцать четвёртого года. На целых два года раньше, чем появился памятник на Машиностроительном заводе!

СТАРИК РУМЯНЦЕВ

Больше ничего, к сожалению, в газетах и журналах о скульпторе Харламове не было.

— Сходили бы вы, ребята, к старику Румянцеву, — сказал нам один из товарищей по работе.

— А кто этот Румянцев? Директор библиотеки? Музея?

— Нет, коллекционер. Да не простой, а петербургский. Всё собирает по истории Петербурга — Ленинграда. У него, наверняка, и про Харламова что-нибудь есть...

В тот же день мы звонили в квартирный звонок, над которым висела табличка «Е. А. Румянцев».

Евгений Арсентьевич оказался высоким, моложавым (на вид — под шестьдесят, на самом деле — восьмой десяток), встретил, как только могут встречать коллекционеры.

— Всё, что в моих силах, сделаю. В коллекции около трёх тысяч папок с разными материалами о городе. Будем надеяться, что вам удастся что-нибудь найти...

Три тысячи папок были в нашем распоряжении.

Каждая папка — толстый том, каждый том — улица Петербурга — Ленинграда. Всё о домах, всё о скверах, всё о памятниках на этой улице. Энциклопедия!

Евгений Арсентьевич сел в сторонку, а мы занялись папкой, на которой было написано: «Улица Широкая, ныне — Ленина».

Ищем, листаем — ничего.

Евгений Арсентьевич тяжело вздохнул:

— Давайте посмотрим тогда папку, которая отведена у меня для Академии художеств...

Снова листаем вырезки из старых газет и журналов, снова рассматриваем фотографии, изучаем каталоги выставок художников и скульпторов за двадцать четвертый — двадцать шестой годы.

Снова Евгений Арсентьевич тяжело вздыхает:

— Хотите посмотреть материалы о Машиностроительном заводе и о «Красном выборжце»?

Просмотрены новые папки, но результаты — нуль.

— Вот видите, — огорчённо говорит Румянцев. — Шли, думали — найдёте, мол, у меня... А на самом деле — ни о бюсте, ни о Харламове ничего нового не узнали... Хотя... — тут Евгений Арсентьевич бросается вдруг к полкам и начинает что-то искать. — Вот! Здесь у меня адреса всех петербуржцев за 1916 год. Как это я раньше не сообразил?! Может, есть в этой книге адрес Харламова?

Адрес есть.

Вот он: «Лигово, Степанова улица, дом № 43».

Но прошло без малого полвека, что может дать нам такой адрес?

АДРЕСАТ ВЫБЫЛ

Тоненькая ниточка, которая могла нам дать что-то о Харламове, оборвалась почти сразу. В Урицке, бывшем Лигове, нам сообщили, что семья Харламовых по этому адресу давно не живёт, что сам Матвей Яковлевич умер ещё в тридцатых

годах, а дом разрушен во время войны.

Оставалось одно: составить список всех Харламовых, проживающих в Ленинграде, и попытаться найти среди них родственников скульптора. В Ленинграде Харламовых оказалось около полутора тысяч.

Сколько же потребуется для наших поисков дней, недель, месяцев?

ЕЩЁ ОДИН ПОМОЩНИК

В самом начале своих поисков, когда наши маршруты не выходили из стен редакции, познакомились мы по телефону с Борисом Николаевичем Калининым — работником одного из ленинградских музеев. Тогда Борис Николаевич не смог нам ничем помочь, но зато теперь...

Калинин позвонил нам, когда мы выписывали из справочной книги всех Харламовых, имеющих телефоны.

— Записывайте адрес, — с места в карьер сообщил нам Борис Николаевич. — Васильевский остров, 8-я линия...

— Да чей адрес?! — недоумевали мы.

— Дочери скульптора Харламова.

СЕМЬЯ

Дверь нам открыла старая женщина. Лицо в морщинах, глаза голубые.

— Мария Матвеевна дома?

— Нет. И, видимо, будет не раньше чем завтра. Она за городом.

Конечно, ещё не было случая, чтоб нам повезло, как говорят, с первого захода.

Но всё же спрашиваем:

— А вы её соседка или родственница?

— Да вроде родственница, — отвечает женщина. — Я её мать.

Через минуту сидим уже в комнате и наперебой расспрашиваем Софию Сигизмундовну о её муже. Разговор продолжается и на дру-

гой день. В нём теперь принимает участие дочь — Мария Матвеевна.

— Все материалы об отце, — говорит она, — у старшей, Анны Матвеевны. Она собирается писать книгу об отце. В общем, мы обе пошли по стопам отца: старшая — архитектор, а я — скульптор... Вам обязательно надо будет съездить в Москву. Анна помнит отца лучше...

Теперь, когда поездки в Москву, встречи, разговоры, воспоминания завершены, с удовольствием пишем главку, которая называется:

СКУЛЬПТОР ХАРЛАМОВ

Он был сыном одесского портного. Хороший портной — тоже художник. Отец Харламова хотел передать сыну своё мастерство. Но мальчика больше тянуло не к игле и ножницам, а к воску, глине, карандашу. Его пальцы сами лепили фигурки людей и животных. И отец понял, что увлечение маленького Матвея не баловство, а призвание, и первый сказал, что сын должен учиться на художника.

Матвей Харламов блестяще закончил Петербургскую Академию художеств по классу скульптуры. За дипломную работу он получил золотую медаль и был командирован за границу. Перед молодым скульптором открывалась Европа, музеи Рима, Парижа, Берлина, Лондона. Харламов мог пробыть за границей несколько лет, мог остаться там навсегда. Но его неудержимо потянуло в Россию. Ещё до окончания срока командировки скульптор собрался домой.

В Петербурге Матвею Яковлевичу предложили участвовать в реконструкции залов Русского музея и поручили создать лепной фриз-барельеф «Народы России».

Это была увлекательная работа. Ведь героями фриза должны были стать простые люди, те самые люди, на ком держалась Россия. А Матвей Яковлевич, как ни поднимала его высоко судьба, всегда оставался простым человеком, все-

гда помнил, что дед его и отец были крепостными.

Молодого скульптора не влекла суматошная столичная жизнь. Он поселился подальше от расшитых золотом мундиров — в Лигове, в маленьком домике, и перенёс туда свою мастерскую. Завсегдатаями его дома стали окрестные крестьяне, охотники. Для них двери мастерской были открыты всегда. И гости не стеснялись хозяина. Им нравился этот крепкий, кражистый человек с казацкими усами, который охотно слушал их рассказы и любил рассказывать сам.

Если бы эти гости Харламова увидели фриз в Русском музее, над которым Харламов работал почти десять лет, наверное, удивились бы, узнав себя в рабочих и крестьянах на барельефе.

В 1914 году должно было состояться торжественное открытие обновлённого Русского музея, ожидался сам государь-император. Скульптора ждала слава. Но открытие не состоялось. Вспыхнула первая мировая война, и государя-императора народы России интересовали теперь как пушечное мясо.

Начались трудные годы.

Нелегко приходилось и Харламовым. Не было заказов, не было денег, а семья увеличилась — в тихом домике появились две горластые девчонки. Единственным подспорьем в жизни стал огород.

Скульптора угнетали не лишения, — с ними он мог смириться, — а то, что его искусство, как ему казалось, не нужно никому. И это было страшнее всего.

Но Матвей Яковлевич ошибался. Уже в те годы нашлись люди, которые высоко ценили искусство. Новое искусство — для народа. И когда грянула Великая Октябрьская революция, Советская власть издала декрет о монументальной пропаганде, подписанный Лениным. Этот декрет был обращён к работникам искусства и призывал их стать на службу молодому государству, на службу народу.

Матвея Яковлевича это поразило. Ведь молодая республика вела борьбу с врагами на десятках фронтов, в стране был голод, разруха, эпидемии, а новая власть думала об искусстве...

Харламов принимает участие почти во всех конкурсах, которые проводила новая — коммунистическая Академия художеств. Он создаёт памятники Карлу Либкнехту и Розе Люксембург, вожаку питерского комсомола Васе Алексеёву, скульптуру «Металлист».

И всё-таки Матвей Яковлевич понимал, что главное и самое трудное — впереди. Скульптора увлёл образ человека, который стал символом нового мира. Этим человеком был Ленин.

Ленина Харламов видел в апреле семнадцатого года. Владимир Ильич выступал с балкона дворца Кшесинской, а скульптор стоял в густой толпе и слушал его. И хотя слушал он не отрываясь, всё-таки оставался в эти минуты художником: глаза Харламова сами собой подмечали стремительные жесты Ленина, черты лица, особый, характерный поворот головы.

Вспоминая эту встречу, Харламов отчаянно жалел, что Ильич, по слухам, не только не соглашается позировать, но и не позволяет публиковать свои фотографии.

Осенью девятнадцатого года в Питере скончался М. Т. Елизаров — муж сестры Ленина, профессиональный революционер, первый

нарком путей сообщения Советской России. Владимир Ильич приехал в Петроград проводить в последний путь соратника и друга.

Харламов никогда не видел наркома Елизарова, но пришел вместе с сотнями людей на кладбище, потому что относился с большим уважением к коммунистам, которые строили новый мир.

И здесь снова неожиданно для себя увидел Ленина.

Лицо Ильича было суровым и горестным. Надолго оно запомнилось Харламову.

В газетах появились фотографии Ильича на похоронах Елизарова. Харламов принёс их в свою мастерскую, а потом ему удалось раздобыть ещё несколько снимков.

Теперь Харламов почти не выходил из мастерской. Было холодно, темно. Замёрзшую глину трудно размять. И обедать приходилось не часто. На завтрак семья ела болтушку, в ужин — кусок хлеба и морковный чай.

Только пятый вариант бюста скульптор решился показать товарищам. И хотя приняли его работу хорошо, сам Харламов не был доволен и этим бюстом. Чутьё художника говорило ему, что сделано не то, о чём мечталось. Это был Ленин, но не весь Ленин.

Предстояли новые поиски образа и, если удастся, встреча с Лениным.

Встреча состоялась. Но какой скорбной она была! В этот день газеты вышли в траурных рамках,

надрывно плакали гудки заводов, и сердце рвалось от боли.

Харламова и скульптора Гинзбурга срочно вызвали в Москву, чтобы снять с лица Ленина посмертную маску.

Не помня себя, Матвей Яковлевич вошёл в зал, в котором колыхалась безмолвная толпа.

Посмертную маску уже снял другой — московский скульптор. Харламов стоял у гроба, смотрел в лицо Ленина...

* * *

Вот что писала 20 декабря 1924 года «Красная вечерняя газета»: «Увековечить память Ленина сейчас стремится каждая республика, каждый город нашего Союза... Даже отдельные заводы и фабрики обсуждают, как лучше организовать у себя уголок Ленина...»

А ещё раньше, летом, эта же газета писала: «Комиссия по увековечению памяти В. И. Ленина объявляет, что исключительное право изготовления и распространения бюстов В. И. Ленина предоставлено производственному бюро при Ленинградской Академии художеств».

В этом производственном бюро изготавливались бюсты по модели Харламова. Его скульптурный портрет Ленина получил общесоюзную известность. Многие тысячи экземпляров этого бюста разошлись по городам и деревням Союза, а летом двадцать четвёртого года бюст Ленина появился в доме № 48 по бывшей Широкой улице.

Это публикуется впервые

(Текст к фотоснимкам на 2-й и 3-й страницах обложки)

В СЕ эти фотографии публикуются впервые.

В 1925 году ректором Академии художеств стал Э. Э. Эссен. Архитектор по образованию, Эссен был профессиональным революционером. Он хорошо знал Ленина. А находясь за границей — в Женеве, первым из художников рисовал Владимира Ильича, и Ленин охотно ему позировал. Рисунки Эссена так понравились Ильичу, что некоторые из них он попросил на память...

Эссен, познакомившись с Харламовым и его работами, предложил скульптору свою помощь в работе над образом Ленина.

В те годы и был создан скульптурный портрет Ленина (фото № 1 на второй странице обложки), о котором даже самые придирчивые говорили: «Как живой!».

А это (фото № 2) одна из немногих фотографий — портрет скульптора М. Я. Харламова.

Во время Великой Отечественной войны Урицк, где находилась мастерская скульптора, был разрушен. Погибли все работы... Больших трудов стоило старшей дочери скульптора А. М. Харламовой отыскать на пепелище место, где жил отец, где он работал. Помогла в поисках «Октябрина» (фото № 3) — скульптура маленькой девочки с широко раскрытыми доверчивыми глазами.

«Октябрина» лежала на выжженной земле, среди щебня и камня. Фигурка почернела от огня, но дочь скульптора сразу узнала бронзовую девочку. Она подняла её и стала отирать с лица девочки следы войны и пожара... Стойкой оказалась «Октябрина»!

По проекту, который вы видите на четвёртом снимке, должен был встать памятник на площади в центре Урицка. Ленин и пионеры... Но и этот проект памятника погиб в огне войны.

Фриз-горельеф «Народы России» (фото № 5), над которым много лет работал Харламов, сохранился. Его можно увидеть в одном из залов Русского музея.

На третьей странице обложки — сквер на углу улицы Ленина и Чкаловского проспекта. Если вам придётся побывать там, внимательно посмотрите на каменный бюст В. И. Ленина. Это первый памятник Ильичу в нашем городе. Правда, первоначально он был гипсовым, а этот, каменный, — его точная копия. И обязательно разыщите Николая Михайловича Мухина. Это он, когда был мальчишкой, помогал взрослым устанавливать бюст Ильича на площадке первого этажа дома, в котором жил Ленин.

Восхождение на Ротхорн

1.

От яркого сощурысь солнца,
Поверх брошюр, газет, бумаг,
Ильич глядит на незнакомца.
Басит швейцарец: — Гутен таг!
Я Фридрих Крамер — здешний

житель.

Проводника не нужно вам?
Тут слух прошёл, что вы любитель
Бродить порою по горам.
— Да, этот слух отнюдь

не ложный. —

Ильич глядит ему в глаза:
— На Ротхорн можно?
— Ротхорн?.. Можно.
— Тогда я голосую «за»!..

2.

Внизу — луга пестрят цветами.
Здесь — осень, лес стоит рябой.
Два человека с рюкзаками
Идут извилистой тропой.
Один, как цапля, голенастый,
Легко шагает на подъём.
Другой, плечистый, коренастый,
Видать, идёт с большим трудом.
Тропа ползёт на острый гребень:
Колючий холод и гранит.
Хрустит под сапогами щебень:
— Внимаиё! — Крамер

говорит. —

Здесь переход небезопасный.
— А это, интересно, где?
— Да вот за той скалою красной.
Вниз не смотреть, иль быть
беде! —

Доволен Крамер: этот русский
Упорен, крепок, как орех.
Каков-то будет он при спуске?..
Но что это?.. Качнулся русский,
Невольно в бездну посмотрев.
— Куда? — кричит в испуге

Крамер. —

Смотрите выше, выше скал!..
А тот, над бездной стоя, замер...
Вот выпрямился, встал на камень...
И снова в гору зашагал.

3.

Вот и взошли. Под ними Ротхорн.
— Что ж, — молвил Крамер, —
посидим.
Вон там — мой дом. Наверно,
Лотхен

Обед готовит. Вижу дым... —
Они ломают бутерброды,
И, привалясь к плечу плечом,
Друзья по трудному походу
Беседуют о том о сём.
Ильич глядит, не наглядится:
Озёра — сотни синих глаз,
Ручьи — блестящие косицы...
— Страна красивая у вас!..
А Фридрих Крамер откровенно
Ругает трудные года,
Что, мол, из-за страды военной
Туристов мало, — вот беда...
Что спрос упал на сыр и масло,
Что дочь на фабрику пошла,
Что болен дед — наверно, астма...
И вообще — плохи дела!
— А лучше ль в городе?
— Куда там!

Рабочим много тяжелей.
А каково сейчас солдатам
Кормить, в окопах сидя, вшей! —
И он, вконец разгорячённый,
Рукой ударил в грудь себе:

— Вот вам виднее, вы — учёный,
Где выход нам из доли чёрной?..
— По дружбе вам скажу —
в борьбе!

4.

— Пора спускаться!
Герр Ульянов,
Одну минуту. Дело в том...
Внесём поправку в наши планы,
Пойдём теперь другим путём.
У альпинистов есть железный,
Хотя неписанный закон:
Где дрогнул человек над бездной,
Туда идти не должен он...
— Нет, — говорит Ильич
с улыбкой. —
Вы зря боитесь за меня.
Уж раз я совершил ошибку —
Её исправить должен я.
— Но будет голова кружиться
На том же чёртовом седле!
— Не будем трудностей
страшиться,
Бедь их так много на земле. —

...И он прошёл спокойным шагом
По гребню острому, как нож,
Над тем чудовищным оврагом,
Где и костей не соберёшь.
Швейцарец, с изумленьем глядя,
Басит восторженно: — Майн

гот! —

И, ус свой по привычке глядя,
Вслед за Ульяновым идёт.
Немало он туристов разных
Водил смотреть на вечный снег.
Для них, презрительных

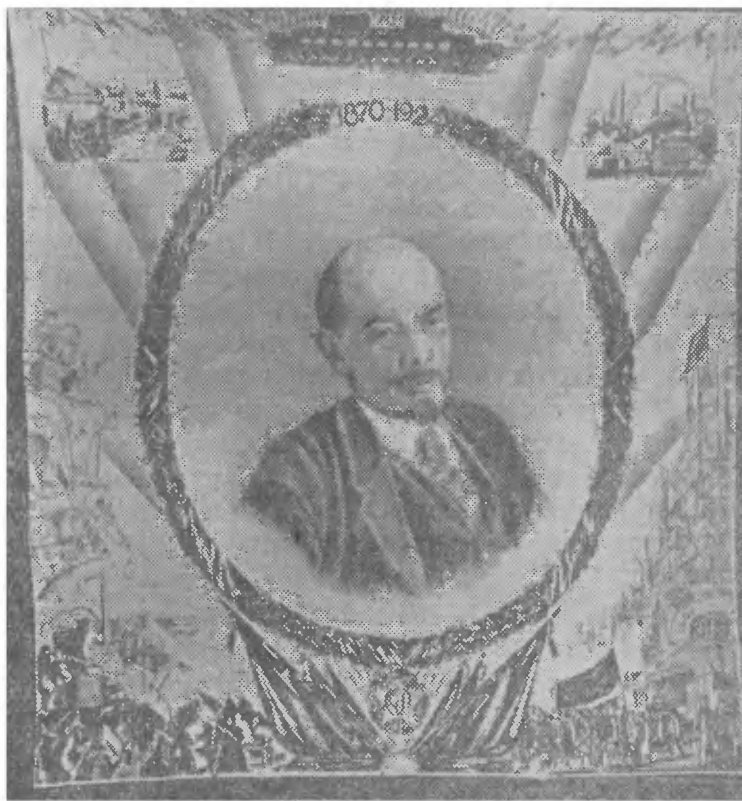
и правдных,

Он был слуга, не человек.
Но этот вот крепыш лобастый
С ним говорил как друг и брат.
Такого встретишь, скажешь
«Здравствуй!» —

И распахнуть всю душу рад.

5.

Они идут крутым подножьем,
Спускаются в зелёный лог.
— Скажите, сколько я вам
должен? —
Ульянов вынул кошелёк.
— Пять франков? Шесть? Иль,
может, десять?
Что ж вы молчите, не пойму...
— Цум тейфель! Пусть меня
повесят,
Коль деньги я от вас приму!
— Но мне известны ваши нужды.
Возьмите, Фридрих.
— Не хочу!
— Но вы работали...
— По дружбе! —
И стиснул руку Ильичу.

В. Грусланов

Платок ткачихи

С ГОДАМИ изглаживаются из памяти многие события, задёргиваются дымкой тумана пройденные дороги, забываются имена людей, вместе с которыми когда-то учился, работал... Но иногда в ящике стола или в книжном шкафу наткнёшься вдруг на какую-то знакомую, очень дорогую, очень памятную вещь — и прошлое снова перед тобой, яркое, незабываемое!

Об одной такой реликвии, хранящейся у меня, я и хочу рассказать.

ШЛА Великая Отечественная война. Полчища фашистов рвались к Ленинграду. Рота, которой я командовал, получила приказ срочно выступить на поддержку наших войск под Детское Село.

Вечером наша колонна подошла к Ленинграду со стороны Парголово. Предстояло

пересечь весь город. Было это как раз восьмого сентября 1941 года, когда фашистские стервятники обрушили первые бомбы на наш город. Над Невой, словно тучи, ползли бело-коричневые клубы дыма. Зловещими языками вздымалось к небу зарево пожара: горели продовольственные склады.

В одной из тихих улочек Выборгской стороны мы остановились передохнуть. Не успел я слезть с коня, как меня сразу же окружили ребята, женщины. Посыпались вопросы:

— Товарищ командир, как на фронте-то?

— Неужто не остановить этих гадов?

Я отвечал, что фашистов непременно остановим, Ленинграда не сдадим.

— А что же это вы без знамени? — протиснулась вперёд одна женщина.

Я объяснил, что знамя у нас есть, только находится оно в штабе части, а мы всего лишь подразделение, нам знамени не положено.

— Всё равно нехорошо как-то... — не согласилась женщина и, сняв с головы платок, протянула его мне: — Нате. Пусть он у вас вместо знамени будет.

Платок развернулся, и все мы увидели на нём портрет Ильича.

Из рассказа женщины мы узнали, что она потомственная текстильщица. И отец, и мать её были ткачами. Отец погиб в гражданскую войну,

а теперь вот она мужа и сына проводила на фронт с народным ополчением. А платочек этот — особенный. В 1924 году, вскоре после смерти вождя, вступила она в ряды Коммунистической партии. В райкоме вручили ей партийный билет, а на фабрике подарили этот платок...

Я принял подарок, крепко пожал руку ткачихе.

Отряд двинулся дальше, к фронту.

— Товарищ капитан! — догнал меня командир одного из взводов. — А платок-то как теперь считать: ваш он или всего отряда?

— Считайте, что наш, а я его хранить буду.

Платок стал для нас необычайной ценностью. Он висел у нас в землянке всю блокадную зиму, весной мы берегли его от сырости, летом даже выстирали.

Непрерывные бои вырывали из наших рядов то одного, то другого бойца. Попал в госпиталь и я. Как меня туда доставили, не помню, а только, когда очнулся, вижу — лежит платочек с портретом Ильича рядом со мной, на тумбочке. Из госпиталя я попал уже в другую часть. И платок, конечно, со мной.

Дороги войны уходили на Запад. Всё дальше от родного дома.

Однажды на окраине Варшавы остановились мы на привал. Во дворе одного из домов какая-то женщина стирала в корыте бельё. Я подошёл к ней и попросил осве-

жить и мой платок, развернув его. Полячка вдруг засуетилась, побежала в дом. Потом я видел, как она стирала его каким-то особым душистым мылом в отдельном тазике.

Едва она повесила сушить платочек — возле него собралась целая толпа. Рассматривали, расспрашивали. А ближе к вечеру пришёл ко мне рабочий-коммунист, живший в том же доме.

— Продайте мне этот платок! — почти потребовал он.

Как можно вежливее, я объяснил, что сделать этого не могу. Он ушёл огорчённый, вернулся снова, упрашивал.

Дня два спустя он решил «атаковать» меня с другого фланга. Выведав откуда-то, что я коллекционирую монеты, он принёс мне коробку, полную старинных серебряных и медных монет. Среди них были очень любопытные, древние и редкие.

— Всё берите! — горячился польский коммунист. — В Ленинграде вы себе ещё такой платок достанете, а монет таких больше не встретите нигде.

Но я знал, что и платку моему замены нет.

Уже и другие жители дома стали горячо поддерживать своего земляка, но я никак не мог решиться. С тяжёлым чувством я всё-таки отказал в просьбе. С этим платком я должен был вернуться на Родину.

Всё же понял меня поль-

ский коммунист. Вечером мы долго беседовали, расстались друзьями. На прощанье он подарил мне много монет.

И снова пошёл я с платком по дорогам войны, всё дальше на запад, к Берлину.

В солнечный праздник Первого мая пала поверженная в прах гитлеровская столица. В рейхсканцелярии фюрера, куда пришли советские и иностранные офицеры и солдаты, чтобы взглянуть на последнее логово врага, я невольно вспомнил сентябрь 1941 года, пожары над Ленинградом, жестокие оборонительные бои.

Коллекционер везде остаётся коллекционером. И в этом подzemелье подобрал я несколько документов, подписанных Гитлером (позже я сдал их в музей). Моя офицерская сумка была уже довольно плотно набита, требовалось немного её разгрузить, и я стал вынимать содержимое. Вынул портрет А. В. Суворова, прошедший со мной все годы войны, достал платок с портретом Ленина. Вместо электрического фонаря запихнул найденную в рейхсканцелярии серебряную стопку. Надписи на русском и немецком языках свидетельствовали о том, что сделана она из русского рубля, найденного на поле сражения под Берлином в 1759 году — то есть за несколько месяцев до того, как русские войска в 1760 году овладели немецкой столицей.

Тем временем кто-то из на-

ших офицеров обратил внимание на платок, лежавший передо мной на столе, попросил его развернуть. Я охотно удовлетворил его просьбу.

От неожиданности офицер как-то невольно воскликнул:

— Ох ты!

На возглас обернулись несколько иностранных офицеров, находившихся здесь же, подошли к нам. Среди них оказались фото- и кинорепортеры. Толкая друг друга, они принялись щёлкать затворами аппаратов, полезли ко мне с раскрытыми блокнотами.

Я рассказал историю платка. Двое корреспондентов в военной форме войск США и Франции, владевшие нашим языком, наперебой задавали

мне вопросы. Один из них крепко держал платок, словно не желая с ним расстаться. Вытащив пачку кредитных билетов, он настойчиво совал их мне, вытащил ещё откуда-то золотые часы с браслетом.

С трудом удалось отвязаться от назойливого иностранца, и я поскорее спрятал платок в сумку.

ПРОШЛИ годы, но бережно храню я дорогой подарок ленинградской ткачихи. Пытался я её разыскать, рассказать, что дошёл её платок до Берлина, да адреса-то не знаю, так и не нашёл. Может, теперь прочитает — откликнется.

Три рассказа о Генке и Володьке

1. Гипсовый круг

Город поразил Володьку. Он был двухцветный — жёлтый и зелёный. Густо лепились дома на высоком изогнутом полуострове, опоясанном рыжими обрывистыми склонами. Внизу мягко желтела узкая полоска песка, а дальше медленно шевелило ленивыми боками жёлто-зелёное море. Когда море беспокоил ветер, оно становилось совсем жёлтым, и волны с острыми верхушками бестолково мотались в разные стороны.

Школа стояла у края обрыва, а далеко внизу извивались вдоль берега рельсы. Сверху всё это казалось игрушечной железной дорогой — и будка обходчика, и маленькие суетливые паровозики с тугими ватными облачками пара над трубой.

Вокруг школы, сразу за спортплощадкой, густо разросся высокий жёсткий бурьян — будяк. В будяке валялись разбитые гипсовые фигуры. Из обломков торчали ржавые прутья. Когда-то рядом

со школой была церковь, в неё во время войны по-

пала бомба.

Из-за этих святых калек с Володькой произошла очень неприятная история. Вообще-то ему не везло в новой школе. Вызвали к доске — учительница решила познакомиться. Он рассказал, откуда приехал, кто его родители. Ничего смешного он не сказал, но класс всё время хихикал. Оказалось, что он не так произносит букву «г». Володька выговаривал её твёрдо, а все здесь говорили по-другому — «г» у них звучало мягко, с придыханием. А когда он прошёл на своё место рядом с чёрненькой загорелой девчонкой, сидевший сзади ушастый мальчиш-

ка быстро подложил ему на сиденье спичечный коробок. Володька с размаху сел на него, раздался треск, и класс грохнул хохотом.

Володька тут же вскочил и звонко треснул ушастого учебником по голове. По стриженной наголо глупой голове.

Мальчишка тоже вскочил, но учительница ледяным голосом велела ему выйти из класса. Мальчишка незаметно соорудил рожу и, выходя, прошептал зловеще:

— После уроков...

После уроков они встретились на спортплощадке. Медленно походили друг против друга, потом сцепились и упали на землю. Сразу же собрались болельщики. Девчонки визжали, а они молча, сосре-

доточенно сопя, возились в пыли.

Потом Володька расквасил стриженному нос, а тот оторвал ему почти начисто рукав новенькой вельветовой куртки.

Стриженого звали Генка Ворухин, жил он рядом с Володькой, в доме напротив.

Возвращались из школы надутые и злые. Володька придерживал оторванный рукав и уныло думал: «Лучше бы он мне по носу въехал. Подумаешь, нос! Нос не оторвётся...»

Уже у самого дома Генка тронул Володьку за руку и хмуро пробурчал:

— Зайдём ко мне, мамка пришьёт.

Володька постоял, раздумывая, потом понуро потащился за Генкой.

Генкина мать, очень худая и тёмноволосая, весёлыми глазами поглядела на Генкин распухший нос, покачала головой и сказала только одно слово:

— Опять?

Потом, ни о чём не спрашивая, быстро и ловко

пришила Володькин рукав и пошла на кухню, сердито загремела там посудой.

Через неделю, во время большой перемены, Генка нашёл в будяке гипсовый круг. Когда-то на нём стоял святой, до сих пор были видны следы голых пальцев. Вместе с Володькой Генка подкатил круг к обрыву и столкнул вниз. Круг медленно перевалился через край.

Вся школа смотрела, как круг, всё уменьшаясь, нёсся с жуткой скоростью, делая громадные прыжки. Потом он врезался в дощатую пристройку будки обходчика, и даже на таком расстоянии слышались треск и звон.

Генка и Володька побелели, уставились друг на друга и почему-то на цыпочках медленно вошли в школу. А все смотрели на них перепуганными глазами.

Затем разразился страшный скандал. Маленький лохматый человек — путевой обходчик — кричал, размахивал руками и наступал на директора, а тот его успокаивал. Оказывается, в пристройке была кухня, а круг проломил стену и попал в полку с кастрюлями и мисками.

— Бандиты, — орал обходчик, — скоро вы мне атомную бомбу на голову спустите!

В коридоре толпились притихшие ребята. Володька стоял среди них, прислонясь плечом к стене. Голос путевого обходчика и директора доносились до него невнятные и далёкие, будто к ушам привязали

две мягкие подушки. Один голос частил, торопился и нервничал, другой журчал успокоительно и мягко. Володька видел, как красный, взъерошенный обходчик резко размахивает короткими руками и рот у него похож на букву «О». Буква эта вытягивается то в стороны, то вверх, как резиновая, и рождает сердитые звуки: «бу, бу, бу». А Володька стоял, чуть раскачиваясь, и думал, думал. И было о чём.

Ещё до появления обходчика он услышал, как тоненький девчоночий голосок, равнодушный и уверенный, сообщил кому-то:

— Ну теперь-то Ворухина наверняка выгонят.

— Теперь выгонят, — ответили ей.

Володька поискал Генку глазами, но не нашёл. «Спрятался, — подумал Володька, — а что толку?» Он снова стал смотреть на обходчика. «А как узнают, что это мы?.. Смешно! Конечно узнают — все видели, только об этом и толкуют. Проболтаются. Обо мне говорят: «Этот, новенький». А Генка, видно, известный здесь человек». Володька снова поискал Генку, потом крепко потёр лоб ладонью. Вдруг он подумал: «А ведь меня-то, наверное, не исключат, потому что в первый раз». Ему сразу стало как-то легко и даже немножко весело. Уж очень не хотелось думать о том, что скажут дома. Разные правильные слова... А папа ещё и махнёт безнадёжно рукой — мол, не

выйдет из тебя никакого толку. Володька этого пуще всего боялся.

Он почувствовал, как толпа зашевелилась и подалась вперёд. Директор, ласково улыбаясь и осторожно поддерживая под руку, провожал пострадавшего обходчика к двери. Володька двинулся вместе с ребятами за ними, но вдруг резко остановился, мгновенно залившись жаркой краской. Он даже рубашку расстегнул. Володька оглянулся — на него смотрели. Ему показалось, что все знают о его мыслях.

«Это что же такое получается, — подумал он, — Генку выгонят, а я радуюсь? Вместе этот дурацкий круг столкнули, а выгонят Генку?»

Вернулся директор. Ласковой улыбки у него как не бывало. И голос стал будто из железа.

— Кто это сделал? — медленно спросил он.

Володьке показалось, что вот сейчас у директора из ноздрей вырвется пламя. Как у Змея Горыныча. В коридоре стало тихо-тихо.

— Это я, — осипшим от страха голосом сказал Володька.

— Ты? Так, так. — Директор внимательно рассматривал его. — А зачем, позволь тебя спросить, ты это сделал?

— Посмотреть хотел.

— Посмотреть?! О, ты, оказывается, любознательный человек! И не тяжело тебе было одному?

— Одному! — Володька

упрямо кивнул. — Не тяжело. Я сильный.

— Это хорошо, что ты сильный, — сказал директор, — очень хорошо. Наколот бы лучше дров, помог истопнику, если ты такой сильный.

В дальнем углу коридора слышался шум возни, шёпот.

— Что такое? — спросил директор. — Кто там прячется?

— Я не прячусь, я на короточках сидел.

Володька оглянулся и увидел Генку.

Директор спросил:

— Это ты, Ворухин? Ты хочешь что-то сказать?

— Хочу, — громко сказал Генка. — Это мы вместе. Вместе круг столкнули. Только мы не хотели в будку попадать.

Директор посмотрел на Володьку, потом на Генку и чуть заметно улыбнулся:

— Значит, вы оба сильные? Такие очень могучие дикари? Вам ничего не стоит стенку проломить?

Коридор зашелестел облегчёнными вздохами — директор улыбался. Володька быстро переглянулся с Генкой. Генка был очень бледный, а глаза большущие и напряжённые.

— Не исключат, — прошептал кто-то в затылок Володьке и дёрнул его за рукав.

— Ну что ж, юные геркулы, — сказал директор, — придётся вас исключить из школы.

Какая-то девчонка пискнула, а затем в коридоре снова зазвенела тишина. Только Володьке показалось, что на всю школу гулко бухает его серд-

це. Директор ещё немного помолчал, потом добавил:

— На три дня исключить. А завтра пусть придут родители.

И он быстро прошагал в свой кабинет.

Все завопили, все подбежали, а Володька глядел на Генку, и оба растерянно улыба-

лись. Генка пробрался к Володьке, хлопнул его по спине и сказал счастливым голосом:

— Ох, и влетит же мне дома, а тебе?

— И мне! И мне тоже, — сказал Володька.

И они пошли по коридору к своему классу.

2. Верный человек Генка

Ловить руками раков научил Володьку Генка. Мальчишки бродили по колено в стылой осенней воде гавани и шарили под прибрежными камнями. Азовское море здесь было совсем пресное — Дон днём и ночью накачивал его водой.

Раки попадались отменные — большущие, клешнястые. Руки у Володьки покрылись цыпками и покраснели, на пальцах были ссадины — раки кусались.

Впервые они встретили этого парня в гавани. Корзинка у них была почти полная. Серовато-зелёные раки копошились в ней, с жёстким шорохом тёрлись панцирями. Парня они увидели неожиданно, когда подошли к нему почти вплотную. Краснолицый, с мокрыми вывернутыми губами, он сидел на корточках у самой воды, закрыв глаза, раскачиваясь и глухо мыча от боли.

Грудь у него была голая. Она распухла и кровоточила. Мальчишки всмотрелись и сквозь капельки крови увидели

большущую, во всю грудь, татуировку —

какое-то переплетение рук и ног, что-то непонятное и жуткое. Татуировку, видно, только что сделали. Парень время от времени окунал руку в воду и прикладывал её к груди.

Мальчишки выбрались на берег, поставили на камешек корзинку и подошли к нему.

— Эй, кто это тебя так? — тихо спросил Генка.

Парень так резко вскочил, что они отпрыгнули назад. Косая чёлка упала на глаза, он тяжело задышал и изо всех сил ударил ногой по корзине. Раки веером полетели в воду. Потом он медленно повернул голову к Володьке, уставился на него покрасневшими бычьими глазами. Володька попятился. Парень был похож на сумасшедшего. Вдруг он выкрикнул что-то непонятное и ринулся на Володьку.

Генка стоял чуть в стороне. Парень так близко пробежал мимо него, что Генка перепуганно втянул голову в плечи. Но в самый последний миг, он, стиснув зубы от страха, шагнул вперёд и подставил парню

подножку. Парень тяжело грохнулся на камни и завыл. А мальчишки понеслись со всех ног и бежали долго-долго. Остановились, когда закололо в груди.

— Что это он, одурел? Как на меня бросился!..

Володька задыхался.

— А ему всё равно. Видел, какая у него морда была?

— Ага, — Володька кивнул, — страшная. И раки пропали...

Он немного помолчал, потом сказал:

— А здóрово ты его!

Генка покраснел и отвернулся. Потом он поддал ногой камешек, пасснул его Володьке. Володька наступил на камешек, покатал его по шербатой плите тротуара. Он был необычно тихий и задумчивый. Он думал о том, какой верный человек Генка.

3. На чердаке

Наступили ветреные холодные дни. На улицах всё время кружилась пыль. Иногда она завивалась столбом и неслась, покачиваясь, пока не расширялась о дерево или дом. Пыль была везде — за окнами, на губах, в карманах. А город сделался совсем жёлтым.

Мама стала сердитой. Её угнетала эта погода. Так она сказала папе. И ещё она сказала, что из-за пыли невозможно выйти из дому.

Володька думал иначе, но спорить не стал. Ему и так часто попадало за то, что допоздна носился по улице. Пыль ему не мешала. Даже интереснее, — можно представить, будто это самум.

Они с Генкой из школы возвращались самым далёким путём. Делали большущий крюк — проходили Чеховским садом, по глинистой тропинке спускались к морю, потом пустырями мимо консервного завода добирались до своей улицы.

В тот день они успели ещё отмахать километра полтора по пляжу к низкому деревянному дому. Там помещалась артель, где делали бусы.

Володька любил ходить по пляжу. У самой кромки воды песок был плотный и гладкий. На нём оставались чёткие следы. Волны лениво облизывали их, и следы таяли.

Домик стоял наверху. Надо было карабкаться по глинистому склону, цепляясь за пахучие кустики полыни. Примерно с середины склона начиналась блестящая и разноцветная россыпь бракованных бус. В школе больше всего ценились бусы без дырок. Чем крупнее, тем лучше. На переменах процветала игра в шарики.

В этот раз им удивительно повезло — бусины попадались одна другой лучше. Набили ими полные карманы.

— Во завтра дадим! — ликовал Генка. — Как выложим их на стол, так Серёга Трусов от зависти и помрёт. Тоже мне, чемпион липовый!

Володька торопился. Мама, наверное, уже дома. Она не любит, когда Володька опаздывает к обеду.

Они миновали пляж, поднялись наверх и шли вдоль высокого забора консервного завода. Генка подбросил в воздух бусину, хотел поддеть её ногой, и вдруг Володька увидел, как он побледнел и застыл на месте, а улыбка стала будто приклеенная. Володька поглядел вдоль забора и успел заметить чью-то спину с гор-

бом туго набитого рюкзака. И тут же спина завернула за угол.

— Володька, это он... — быстро сказал Генка.

— Кто он?

— Красномордый, тот... Помнишь, с татуировкой?

Они одновременно добежали до угла и осторожно выглянули. Парень стоял у подъезда пятиэтажного дома на другой стороне улицы. Рюкзак он держал в руке и воровато оглядывался. Лицо у него было подозрительное и немного испуганное. Он зашёл в подъезд и сразу же снова выглянул, повертел головой и зашевелил толстыми губами, будто разговаривал сам с собой. Улица была пустынна. Парень закурил и исчез в подъезде.

— Чего это он? — спросил Володька.

— Чего, чего! Тут дело нечисто. Видел, как он оглядывался? И мешок у него тяжёлый.

Генка схватил Володьку за руку, потащил за собой:

— Пойдём посмотрим.

— Куда?

— Ну за этим, с татуировкой... Посмотрим, куда он рюкзак тащит.

— Так ты и узнал, держи карман! — Володька присвистнул, но Генка сердито дёрнул его за рукав: они уже вошли в подъезд.

Наверху слышались грузные шаги, перила тихо дребезжали. Мальчишки на носочках взлетели на третий этаж. Остановились там. Послышался лязг замка и протяжный

скрип. Ребята пошли медленно.

С площадки пятого этажа вёл ещё один пролёт лестницы, и наверху, в желтоватом свете пыльной лампочки, виднелась узкая чердачная дверь, обитая железом. Дверь была наполовину открыта. В толстом стальном кольце болтался здоровенный амбарный замок.

Генка решительно зашагал по лестнице. У самой двери

оглянулся, поджидая Володьку, и скользнул в темноту чердака. Володька — за ним.

Под ногами было что-то мягкое — стружки или опилки. Глаза немного привыкли к темноте, и мальчишки увидели совсем близко широкую печную трубу. Они прокрались вдоль трубы и выглянули из-за неё. В дальнем конце чердака, в жидком свете слухового окна копошился человек. Он что-то вынимал из рюкзака и осторожно ставил подальше к самой стрехе. Вдруг он резко выпрямился и пошёл прямо на Володьку и Генку. Они попятились в тень от трубы, присели на корточки. Парень прошёл мимо них к двери. Резко запахло чесноком. Затем мальчишки услышали скрип и чёткий металлический ляг защёлкнувшегося замка.

И стало тихо-тихо. И жутковато.

Володька посмотрел на Генку. Тот растерянно улыбался.

— Ты чего? — спросил Володька.

— «Ах, попалась, птичка, стой! Не уйдёшь из сети». Очень похоже.

— Брось ты, Генка... Давай посмотрим, что он там принёс, и будем сматываться, пока не вернулся.

Генка неопределённо хмыкнул и ответил:

— Давай.

Володька первым подбежал к слуховому окну, на коленках отполз в угол и нащупал какие-то банки: четыре железные круглые и тяжёлые, одну стеклянную, обвязанную тряпкой. Володька стащил тряпку и сунул руку внутрь. Рука утонула в чём-то густом и вязком. Он испуганно выдернул её обратно — рука была тёмная и резко пахла рыбой. Подтащили банку к свету.

— Чёрная икра, — сказал Генка.

— Да, — подтвердил Володька и лизнул руку. Икринки лежали одна к одной — плотно, как дробь.

— Он её с консервного завода украл, — сказал Володька.

— Какой ты догадливый.

Генка аккуратно обвязал банку тряпкой, поставил на прежнее место, поднялся и спросил:

— А как мы отсюда выберемся?

Деваться было некуда. Через слуховое окно они вылез-

ли на крышу. Сначала старались не гроыхать железом, балансируя, наступая только на острые рёбра. Потом им надоело балансировать, и они стали ходить как вздумается. Но от этого ничего не изменилось. Далеко внизу торопились домой редкие прохожие, чуть дальше виднелась бурая крыша и кусочек двора консервного завода. Равнодушные прохожие, равнодушная крыша. Никому до них не было дела. И выхода не было. Генка потрогал водосточную трубу — она была старая и проржавевшая.

— Не выдержит, — строился он.

— Должна быть пожарная лестница, — сказал Володька.

— Может быть, и должна, только её нету, сам видишь.

Они вернулись на чердак, подёргали дверь — бесполезно.

Конечно, есть способ выбраться, оба это знали. Можно просто-напросто вылезти на крышу и орать оттуда, пока не остановятся прохожие. И всё объяснить — громко и жалобно. Их наверняка вызволят отсюда, но уж тогда ищи-свищи: жулики тоже с ушами, за икрой никто не придёт. Будут воровать по-прежнему, только прятать получше.

Мальчишки сидели под слуховым окном и думали.

— Надо дожждаться, — сказал Генка и посмотрел на Володьку, — ты не боишься?

— Ещё чего! Только вдруг он через неделю придёт?

— Не может быть, — отве-

тил Генка, но голос у него был не очень решительный.

— А икра — вкусная штука, — сказал Володька.

Генка сглотнул слюну. Мальчишки переглянулись и рассмеялись. Потом Володька притащил банку, и они руками стали есть из неё. Это было здорово, только хлеба не доставало. Потом Володька прилёг на опилки, усталый на сучковатое бревно стропил:

— Генка, а что будет, если он нас здесь поймает?

— Плохо будет, — тихо сказал Генка, — его самого надо поймать. Ты его помнишь? Такой, наверное, не только ворует. Он и убьёт кого хочешь — не поморщится.

— Здоровенный он, — сказал Володька.

— Да, — Генка кивнул, — а

помнишь, как он на тебя бросился?

— Помню. Но отсюда не удерёшь. Если только с крыши сигать.

— Понимаешь, — Генка сжал Володьке руку чуть выше локтя, и тот почувствовал, что Генкина рука дрожит, — понимаешь, после света здесь ничего не видно. Он пойдёт за икрой, а мы к двери. Выскочим на улицу, кого-нибудь позовём. Тут завод рядом.

— Хорошо бы так, — сказал Володька.

Его чуть-чуть знобило. Странное дело — теперь, когда он точно знал, что Генке тоже страшно, ему почему-то стало спокойнее. Мало ли что страшно! Никто этого не знает. Володька скорее бы умер, чем признался в этом. И они сидят

здесь не просто так, запертые на тёмном чердаке. Они ждут врага. Враг этот сильный и опасный, и они должны его победить, чтобы у других людей врагов стало меньше. Володька вспомнил школу и ту историю с гипсовым кругом, и ему показалось, будто это были не он с Генкой, а какие-то другие мальчишки, — в два раза младше их.

Он встал, попрыгал на месте, присел несколько раз.

— Тебе тоже холодно? — спросил Генка.

Они подошли к трубе, сели рядом, прижались к её тёпловому боку.

Стало темнеть. Володька старался не думать о доме. Там, наверное, такой переполох — только держись. «Голову оторвут», — равнодушно подумал он. Тепло медленно разливалось по телу. Мышцы, сжатые холодом и напряжением, понемногу расслаблялись. Потом глаза его стали сами собой закрываться. Он обнял Генку за плечи и уснул.

Володька проснулся внезапно, будто его толкнули. Во рту пересохло, страшно захотелось пить. Он вгляделся ошалелыми глазами в темень чердака, но ничего не увидел. Пошарил вокруг себя руками — Генки не было.

— Ты где, Генка? — громким шёпотом спросил он.

— Тихо, ты... — прошепел откуда-то сбоку Генкин голос. — Слушай...

Володька затих и явственно услышал, что у двери кто-то возится. Долго скребли клю-

чом по замку — видно, не могли открыть. Потом кто-то выругался и сказал:

— Дай-ка! Я сам.

Замок лязгнул, заскрипела дверь, и в темноту ворвался яркий луч фонарика. Жёлтый круг, как солнечный зайчик, запрыгал по стропилам, пошарил в дальнем углу, затем упёрся в пол и стал медленно приближаться.

— Ты бы ещё в трубу товар опустил, — проговорил недовольный скрипучий голос.

— Если вы такой храбрый, следующий раз прямо вам домой принесу, — ответил голос краснолицего.

— Ну уж дудки!

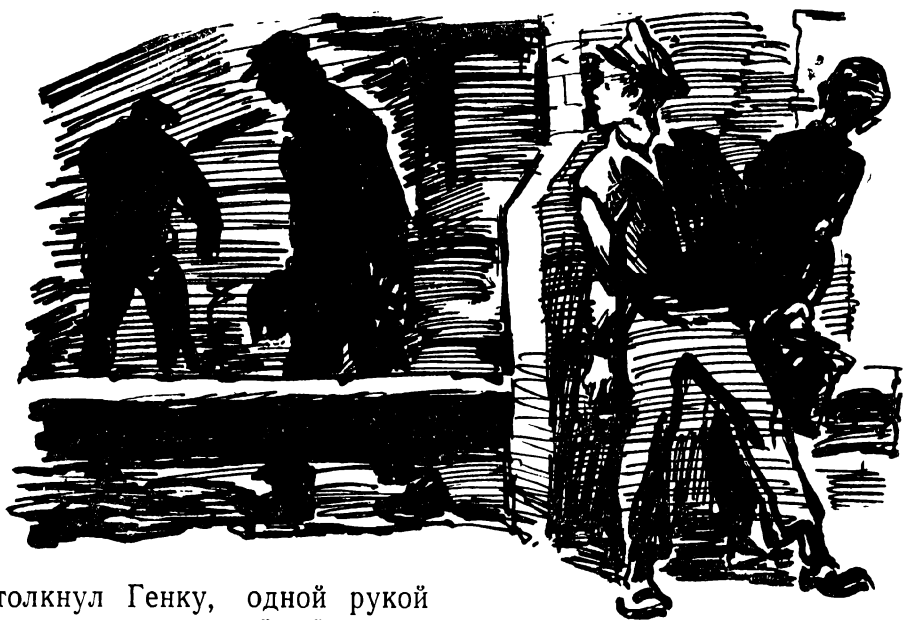
— То-то же. И больше машину у подъезда не ставьте. Останавливайтесь за углом. Мне больше сидеть неохота. Я принёс — вы забрали... Место теперь знаете.

Негромко разговаривая, двое прошли мимо. Генка и Володька подождали, пока они отойдут подальше, и бросились к двери. Через секунду они стояли на лестнице.

— Всё пропало, — хрипло прошептал Генка, — у них машина, слышал? Сейчас уедут — и конец...

Он мямл в руках кепку, выкручивая её, как мокрую тряпку.

Володьку трясло. Он впился ногтями в ладони и горячечно шептал: «Что делать? Что делать?». Вдруг он обернулся, внимательно посмотрел на дверь и чуть не заорал от неожиданной и очень простой мысли. Потом он молча от-

толкнул Генку, одной рукой снял с кольца тяжёлый замок, другой изо всех сил дёрнул дверь. Она с грохотом захлопнулась. Володька быстро продел в оба кольца дужку замка и повернул ключ.

Тяжело дыша, он обернулся к Генке. Тот уставился на него выпученными глазами, потом завопил что-то радостное и непонятное и вцепился в Володьку. Он тискал его, вертел, увесисто хлопал по спине и всё приговаривал:

— Вот это да! Вот это да!

Дверь затряслась от ударов. Видно, в неё молотили ногами. Но это была крепкая дверь. Те двое, наверное, очень волновались. Они всё лупили и лупили каблуками и ругались страшными словами.

А Генка вдруг начал хохотать, и Володька, глядя на не-

го, тоже. Они просто корчились от смеха, а те за дверью от этого ещё пуще распались. Потом, так же неожиданно, как начали, они перестали смеяться.

Генка одёрнул рубаху и сказал:

— Айда на завод! В проходную. Там сторож сидит. У него ружьё есть.

— Вот смеху-то! С ружьём! Удивится, наверное: у него под носом таскали, а он прохлопал. Хоть и с ружьём.

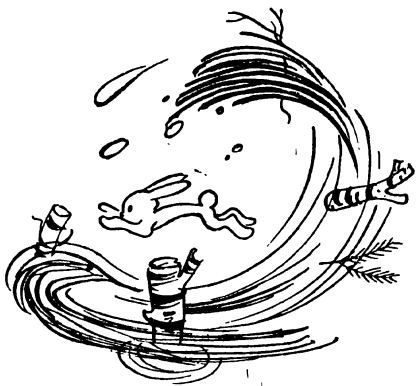
И они побежали, прыгая через две ступеньки вниз, а вслед им вдруг жалко и просительно заголосили двое за дверью. Двое взрослых, здоровенных людей. Противными, трусливыми голосами.

★ РЕБЯТАМ-
ОКТАБРЯТАМ

Что наделала река

В тишине, в глуши лесной
Разлилась река весной.
Разыгралась, расплескалась,
Затопила берега
И помчалась!
И помчалась,
Как в атаку на врага.
С бугорков спешит,
По кустам шуршит
И в лесную тишину
За волною шлёт волну.
Просочилась понемногу
К Мишке бурому в берлогу.
Пробуравила дыру
К Волку серому в нору.
Заревел Медведь:
— Тревога!
Уплыла моя берлога!.. —
Волк хотел загрызть волну:
— Ррр! Гав-гав! Буль-буль...

Тону!!!

По кустам не от Лисицы —
От реки Зайчонок мчится.
Заяц — в лес.
И речка — в лес.
На берёзу Заяц влез:
На пенёк,
Потом на ветку,
Белый ствол облапил крепко
И дрожит, не дышит.
— Осторожней! — слышит. —
Не качай! Могу слететь! —
Глянул вверх,
А там — Медведь!..

— погоди, Косой! Послушай,
Что по-доброму скажу:
Дай-ка я тебя за уши
К этой ветке привяжу.

Так. Сиди теперь героем!
Тихо, смирненько сиди.
Вон на ёлке тоже двое.
— Кто на ёлке?
— Сам гляди. —
Поглядел Косой на ёлку...
Ба!.. Лисица лезет к Волку!

Волк рычит:
 — Назад!
 — Куда?
 — Вниз! На землю!
 — Там вода...
 — Ну а мне плевать на это!
 Иль других деревьев нету?
 Самому не поместиться,
 Так несёт ещё Лисицу!
 До чего ж ты, рыжая,
 Всё-таки бесстыжая!
 Иль сама ныряй в волну,
 Или я тебя спихну! —
 Волк рычит. Лисица лает:
 — Помогите! Заливает! —
 Тёмный лес гудит:
 — Тревога! —
 Но уже идёт подмога.
 В бой с рекой из-за горы
 В тёмный лес идут Бобры.
 Все ребята боевые,
 Как один мастеровые!
 И несут с собой Бобры
 Пилы, гвозди, топоры.
 Вышли к речке дружным строем,
 Хором речке говорят:
 — Мы плотину здесь построим,
 Поворачивай назад! —
 Сто деревьев в речку — хлоп!
 Волны — шлёп!

Речка — стоп!
 Оплели Бобры плотину
 Сетью тоненьких ветвей,
 Раздобыли где-то глину,
 Мажут щели пожирней.
 Пусть река ещё позлится,
 Порезвится до поры.
 Сквозь плотину не пробиться, —
 Здесь работали Бобры!
 Сколько речка ни старалась,
 А пробиться не смогла,
 В берега свои убралась
 И устало потекла.

А Бобры тропой прямой
 Не спеша пошли домой.
 Постояли возле ели,
 На берёзу поглядели.
 — Где там эти?.. Слезли? Нет? —
 И тогда как гаркнул разом:
 — Чемпионам-верхолазам
 От Бобров физкульт-привет!
 Эй, Топтыгин! Зря не мешкай:
 Можно на землю слезать!
 Не забудь, однако, в спешке
 Зайцу уши развязать!..

РАССКАЗ

Про колдунью узнал я во время поездки на звероферму. Недавно туда впервые были привезены норки — коричневые, серебристые, белые. Думаю, осмотрю звероферму, а потом и с ружьём поброжу. Наскоро собрался, взял двустволку, перекинул рюкзак за спину — и на вокзал.

Часов через семь поезд оставил меня на маленьком лесном полустанке. Время было позднее, и ночевать я устроился у стрелочника Тимофея Сергеевича. Жили они с женой Лушей вдвоём в небольшом деревянном доме. Но в момент моего прихода у них были гости.

Познакомились, разговорились. Я спросил хозяина, чем славится их район, богат ли он лесом, какие звери, птицы водятся.

— Всего хватает, — улыбнулся Тимофей Сергеевич. — А леса хоть отбавляй. Куда ни повернись — всюду лес. Вот, например, к западу от нас до самой колдуньи лес. И в других местах не меньше.

— Что за колдунья? — удивился я. — Наверно, место так называется?

— И не место, — возразила Луша, — а настоящая колдунья.

— Какие теперь колдуны! Чего нет — того нет, — запротестовал я.

— Выходит, что и есть, — не унималась хозяйка, — не я же одна говорю.

— Правда, правда! — подтвердила соседка Гутя. — Говорят, Сироткина Христина из Черепановки с месяц икотой мучилась. Съездила к колдунье и икать перестала.

— И будто от припадков лечит, — добавила Луша.

— Сказывают, птичий язык знает. Крикнет — птицы к ней летят, позовёт диких зверей — звери бегут, — пробасил чернобородый мужик.

— Наверно, гипнозом действует, — встала Гутя.

— Вранье это всё, — не сдавался я. Но что же, думаю, за человек эта колдунья? Вот бы проверить!

— Тут такое дело, — вмешался стрелочник. — Разное болтают про эту старуху. Кто что. Однако по-настоящему никто из здешних жителей толком ничего не знает. Живёт колдунья далеко, километров за семьдесят отсюда, в другой области. Правда, прямиком до неё рукой подать. Полдня ходу, но не попадёшь: болота мешают.

— А если на лыжах? — оживился я.

— Разве что на лыжах. И то теперь, пока болота замёрзли.

Утром, лишь только забрезжило, я уже был на ногах. Поднялся и хозяин. Он достал широкие таёжные лыжи, подбитые лосиной шкурой. На таких лыжах в любую гору смело иди: обратно не покатятся, и мокрый снег к волосу не прилипнет.

Тимофей Сергеевич показал мне дорогу к колдунье. Оказывается, во время Отечественной войны он не раз хаживал в те края с разведкой.

По словам хозяина, мне предстояло, не доходя до деревни Дубровки, свернуть с зимника на просеку и так по ней идти.

Утро выдалось тихое, ясное, с небольшим морозцем. Выпавший с вечера снежок приятно поскрипывал. В такую погоду идти особенно легко.

Вскоре показалась Дубровка. Вон и просека! Узкой белой лентой, прямой, как стрела, убегала она в лес. Иду просекой, поглядываю по сторонам. Лес — хвойный, высокий. Лы-

жи легко скользят по снежной целине. Тишина. Ни одного живого звука.

А между тем короткий зимний день уже перешёл в сумерки. Позади остались и просека и кочковатое болото. Теперь со всех сторон окружил меня густой лес. Снег в лесу был трухлявый и ноздреватый. Лыжи проваливались почти до земли. По такой дороге становилось идти всё тяжелее и тяжелее.

Я торопился поскорее выбраться из лесного мрака, а он всё сгущался. Чуть не ощупью пробирался я между деревьями, сворачивал то вправо, то влево. Но лес не редел. Наконец решил я разжечь костёр и ждать утра.

Через полчаса я уже сидел у жаркого костра и с наслаждением пил ароматный плиточный чай. Вокруг давно всё поглотила ночь.

Но вот, как в сказке, по шучьему велению, по моему хотению, вдруг грянула музыка. Громкое эхо всполошило лес. То тут, то там слышались голоса разбуженных птиц. Где-то в глубине леса раздался громкий низкий голос: «фубу, фубу!» Это филин с перепугу шубу просил.

Из карманного приёмника зазвучал вальс. Неожиданно на толстом лапчатом сучке, освещённом огнём, шевельнулось маленькое продолговатое существо пепельного цвета, — белка. Короткими, но робкими рывками она пробиралась вниз. Послушает — скакнёт, послушает — скакнёт. У конца

сучка, где висел мой радиоприемник, белка встала на задние лапки. Она и так повернёт голову, и этак... Старается, должно быть, получше рассмотреть диковинную играющую штуку. Наконец белка притихла. Вся ушла в слух. Однако стоило заиграть весёлой музыки, как зверушка оживлялась, шевелила усами, гримасничала.

Интересно, что многих животных и даже птиц привлекают разные звуки: стук, свист, звон колокольчика, музыки. Однажды на зимовке в Арктике пошли мы на охоту с хирургом Владимиром Михайловичем Ригиным. Был промысел нерпы. Кроме винтовки хирург прихватил ещё и балалайку. К чему бы это, думаю? Но смолчал, устроился в небольшой излучине моря, притаился за камнем. А хирург — за соседним мыском. Сажу, поглядываю: не покажется ли из воды чёрная голова нерпы. Слышу, Ригин за мыском на балалайке тренькает. «Играй, — думаю, — играй. Доиграешься, что с перепугу ни одна нерпа и близко к мысу не подойдёт».

Вдруг балалайка смолкла, и сразу же раздался выстрел. Немного погодя грянул ещё выстрел. Минут через пятнадцать ещё, ещё! А у меня тишина. Даже вода в бухте нигде не зарябит. Обидно стало. Перехитрил меня хирург. Он промышляет, зверя бьёт, а я слюнки глотаю. Посидел я ещё часа три, со злости выругался, плюнул и ушёл домой. С тех

пор никогда без балалайки или гармошки не ходил на промысел. И странная вещь: на звуки музыки любопытные нерпы частенько подплывали почти к самому берегу. Возможно, что и белку влекло к источнику звука любопытство?..

По окончании концерта, предававшегося из Москвы, белка исчезла. Я подбросил в костёр веток и, пригретый теплом, решил подремать. Но стоило только забыться, как холод сразу же брался за меня. Так и проворочался я до утра, подставляя огню то один бок, то другой.

По рассказам стрелочника, от места моей ночёвки до избушки колдуньи оставалось пустяки. Будь у меня компас, я бы это расстояние покрыл за час. А тут вот пришлось потратить часа три только на то, чтобы выбраться из леса.

Всё больше и больше убеждался я, что не иначе как и следующую ночь суждено мне коротать у костра. Я стал присматривать себе место для ночлега и случайно заметил среди редколесья белеющую прогалину. То была обширная поляна. На ней и стояла бревенчатая избушка.

И радость и тревога охватили меня. Избушка... Колдунья... Глухой незнакомый лес... Кто знает, что он таит в себе?..

Обогнул я избушку и остановился шагах в двадцати от крыльца. Вижу, дверь в сени закрыта. Но нет ни замка, ни накладки. Рядом с крыль-

цом — большая поленница дров. Тут же валяется пила. Прислушался: нигде ни звука. Только на крыше побрякивает от ветра оторвавшаяся дранка... Чего же я стою?

В этот момент распахнулась дверь, и на пороге появилась высокая, сухопарая старуха с продолговатым скуластым лицом. Одежда её состояла из телогрейки и ватных брюк, заправленных в чёрные валенки. На голове была серая пуховая шаль. На вид старухе было за шестьдесят. Но держалась она бодро, молодо. Тонкий прямой нос, плотно сжатые губы и чуть прищуренные глаза.

— К колдунье пришёл? — произнесла старуха низким сухим голосом.

Стою, молчу.

— К колдунье, говорю, пришёл, колдовать? — строго повторила она.

— Да, ну да... Посмотреть...

— Что же стоишь?

Подошёл я к колдунье. Подоздоровался.

— Охотник? — недруже-

любно взглянула колдунья на моё ружьё.

— Да, любитель. Здесь у вас дичи много.

— На птиц у меня запрет. Отряхни ноги, иди в избу. — Старуха подала мне веник и добавила: — Лыжи поставь в сени.

Избушка состояла из крохотной прихожей и двух маленьких комнат. Слева, в большей комнате, с русской печью,

жила сама хозяйка. В другой комнатке стояла заправленная железная кровать, столик с керосиновой лампой, табуретка. У задней тёмной стены громоздился деревянный старинный сундук.

Не успел я собраться с мыслями, как хозяйка постучала ко мне и вошла. Не говоря ни слова, она стала рассматривать мою тульскую двустолку.

— Тулка, значит, — буркнула колдунья себе под нос. И, нажав на рычаг, переломила стволы.

— Безобразие! — вскипела старуха. — Идти в избу с заряжённым ружьём! Правил охоты не знаешь. Наверно, браконьер?

— Нет, не браконьер, — оправдывался я. — Просторазрядить на улице забыл.

Колдунья вынула из стволов патроны, взяла ружьё и пошла.

— Куда вы ружьё? — запротестовал я.

— В сундук.

Старуха положила двустолку в сундук.

— Патронташ с патронами есть?

— Есть, — отвечаю.

— В сундук.

Я поёжился.

— Фотоаппарат есть?

— Есть.

— В сундук.

Вынул я из рюкзака фотоаппарат «Киев», отдал колдунье.

— Авторучка есть?

— Есть.

— В сундук.

Молча сунул ей авторучку.

— Карандаш, записная книжка есть?

— Ну есть! — взорвало меня.

— Давай сюда!

Колдунья замкнула сундук на замок. Потом взялась за мой рюкзак. Пощупала его и приподняла:

— Вытряхивай всё на стол.

Я на мгновение замялся. Постой, думаю, уж не под гипнозом ли я? Так ведь, пожалуй, и последняя рубаша в сундук улетит. Но ссориться с хозяйкой не хотелось. Выгонит ещё — так ничего и не узнаешь. Вынул я из рюкзака консервы, сухари, чай, сахар. Достал и карманный полупроводниковый радиоприёмник.

— Продукты приберём, — строгим тоном объявила хозяйка. — А это что? — увидев приёмник, спросила она.

Я сказал.

— Без антенны работает?

— Да.

— Приёмник останется здесь. Потомпустишь. Давно я не слушала радио.

Я сидел, прислушиваясь. Уж несколько раз до моего слуха доносился с чердака шорох. Кто же, думаю, там. Пойду послушаю из сеней. Как только хозяйка ушла, я — в сени. Прислушался. Тихо. Никого. Глядь, а лыж моих в сенях нет. Аж в жар меня бросило. Вернулся я в комнату и стою, опустив голову. Является хозяйка с самоваром.

— Уж не лыжи ли ходил смотреть? — как бы мимоходом заметила она.

Стоит передо мной начищенный медный самовар и тоненьким голосом выводит жалостливую нотку. Выпил я безо всего кружку брусничной запарки, с тем и вылез из-за стола.

На дворе была уже ночь. Зажёг я лампу и ну ходить из угла в угол, словно преступник в одиночной камере. Остановлюсь, послушаю, как за стеной завывает ветер, и снова шагаю.

— Радио, радио пусти. Забыл! — пробасила вдруг за перегородкой старуха. — Пусть играет всю ночь. А сам ложись. Утром рано разбужу.

Настроил я приёмник и, не раздеваясь, прилёг на кровать. Кто она эта странная женщина? — терзался я в догадках. В душе ругал себя за то, что сразу не спросил её об этом. Кто она? Или в самом деле колдунья! Нет. Какие теперь колдуньи! А зачем же тогда живёт она в этой глуши одна? Что её держит? Но сколько я ни размышлял, ни прикидывал, — так ни к чему и не пришёл. Уткнулся лицом в подушку и забылся. Много ли, мало ли я спал — не знаю.

Проснулся рано.

— Не спишь, гость? — постучала ко мне старуха. — Собирайся, пойдём колдовать. Светает. Слышишь?

Надел полушубок, шапку, меховые рукавицы и вышел в прихожую. Хозяйка была уже там. Смотрю, при свете копилки, она то одной рукой, то другой выжимает пудовую гиру.

— Для здоровья, — не глядя на меня, буркнула колдунья. Она взяла в углу топор и кивнула мне головой на дверь:

— Ну, иди вперёд!

Холодок пробежал по моей спине: хватит топором по затылку — и конец!

— Нет, хозяйка, иди сама вперёд.

Старуха молча посмотрела на меня, многозначительно ухмыльнулась и двинулась к двери. Я осторожно пошёл за ней.

Вышли мы в сени. Темно. Лишь в щёлки между досок пробивался слабый свет. На улице завывал ветер, бушевала метель.

— Давай, гость, — строго сказала старуха, — полезай в дыру.

— В какую, — говорю, — дыру?

— Вон в ту. — Колдунья указала топором на люк в потолке.

Слышу, на чердаке кто-то будто пальцами по столу барабанит.

— Полезай сама! — отрубил я со злостью и попятился к стене.

Старуха молча подошла к лестнице, поднялась до отверстия в потолке, открыла крышку люка и скрылась на чердаке.

Я вновь услышал наверху сухое частое щёлканье, похожее на стук деревянных ложек. Неужели на самом деле там кто-то прячется?

— Это что, а? — прикрикнула на чердаке старуха. — Что

за шум? Подождать не могли, да? Эх, народец! Я же занята была, у меня гость, понимаете! А всё, наверно, товарищ Терентьев нарушает порядки. Известный грубиян. Вот как выгоню тебя из квартиры, — сразу ума наберёшься! Опять Дусю обидел? погоди же. Ты ещё мне за вчерашние проказы ответишь. Да, да! Забыл, как я тебя сироту подобрала на улице с поломанной ногой. Поила тебя, кормила, лечила. И всё-таки выходила. А чем сейчас мне платишь? И ты, Журавлёв, тоже хорош. Не лучше Терентьева. И тебя я на дороге подобрала. Также забыл?

Так и есть, думаю, прячет старуха на чердаке преступников. Плохо дело...

Осмотрелся кругом. Пусто. Лыж по-прежнему нет. Ни лома, ни топора — ничего для самозащиты. Что делать?.. А нет ли на крышке люка задвижки? Закрывать их на чердаке... А там видно будет... Может быть, до ружья сумею добраться... Сундук ведь можно разломать и без топора, гирей.

Бесшумно поднялся я по лестнице до люка, заглянул на чердак и замер...

Сначала ничего не мог разобрать. Маячит что-то белесоватое. Нары — не нары... Возле них вроде кто-то шевелится. Не вижу и старухи. Слышу, что где-то недалеко разговаривает. А с кем? Стою, всматриваюсь и, мало-помалу, начинаю осваиваться. Да и на улице становилось всё светлее. Различаю: вместо белесоватых

предметов — столы! На одном из них топчутся какие-то большие чёрные птицы. Они быстро стучат клювами по доскам, что-то клюют. Неужели тетерева? Сколько их! Три, шесть, девять. В сторонке от них на другом столе глухарь расхаживает. Что за чертовщина? И людей ведь не бояться! Бери руками — и в котёл.

Потихоньку поднялся я на чердак и — за трубу. Прижался, наблюдаю. На улице стало ещё светлее. И метель приутихла. А колдунья, не торопясь, по-хозяйски, ходит от одного стола к другому, разговаривает со своим «народом». Кого похвалит, а кому и выговор даст.

— Эй, Терентьев, Дуся! Где вы? Живей сюда!

И тут же, смотрю, прыгнула колдунья на плечо шустрая белка. На другое плечо, хлопая крыльями, взгромоздился краснобровый тетерев.

— Ну, товарищ Терентьев! — обратилась колдунья к тетереву. — Скажи, зачем вчера у Дуси орехи склевал?

Тетерев нахохлился, притих на плече.

— Разве ты у меня голоден? — упрекала хозяйка. — Разве тебе мало своего корма? Молчишь? Виноват, значит, да? То-то же. Как, Дуся, накажем озорника или простим?

Белка покрутилась на плече, повертелась и прыгнула на стол. За ней и тетерев слетел.

Вижу, старуха, о которой я недавно так плохо думал, подошла к раскрытому настежь чердачному окну, сложила руки в трубку, закричала:

— Чичигё-ей, чичигё-ей! Сюда летите, сюда!

На зов полетели на чердак птицы. Вон пара рябчиков уселась под крышей на жёрдочку. С криком ворвалась на чердак горластая сойка. За ней пожаловал лесной доктор — пёстрый дятел. За крупной птицей хлынула на чердак и пернатая мелочь: красногрудые снегيري, бойкие синицы, болтливые чечётки, чижи и другие пичужки.

Хозяйка необычной «птицефермы» ловко подковырнула топором тяжёлую крышку большого ларя с перегородками, взяла совок и стала разносить корм на птичьи столики-кормушки. Тетеревам и глуха-

рю насыпала овса, гороху, подсолнухов, рябчикам — рябины, серым куропаткам — пшеничных зёрен, дятлам — еловых шишек. Мелким пташкам сыпнула конопли, берёзовых семян, ольховых шишек.

С каждой минутой чердак всё больше и больше оглашался птичьим гомоном.

— Ешьте, ешьте! — приговаривала волшебница. — Всем хватит. К будущей осени наши шефы пионеры, комсомольцы снова корму привезут. Я просила их, чтобы заготовили побольше. Вы же зимой прилетите не одни, а с новыми семьями. Да и кормушек в лесу к тому времени прибавится. Юнаты наделают. Верно, товарищ Журавлёв? — обратилась она к журавлю с забинтованной шеей и головой.

Я стоял, как в мире чудес, боясь шевельнуться. Мне неловко стало за себя, стыдно, что был неверного мнения об этом человеке.

Долго ещё хозяйка копошилась со своими неугомонными питомцами. Наконец закрыла ларь и подошла ко мне.

— Вот так мы и колдуем, — произнесла она.

Я схватил жёсткую, натруженную руку хозяйки и долго её тряс и пожимал.

Потом мы сидели у неё в комнате и разговаривали. Я рассказал о себе, она — о себе.

— Мой муж лесником был. Заказник охранял, — задумчиво говорила она. — Началась война. Написал он мне с фронта единственное письмо. Нака-

зывал, чтобы я так же, как и он, берегла, любила природу...

Старушка поправила на голове платок и чуть слышно добавила:

— Погиб он под Псковом.

Так и не дождалась его... Мне райисполком поручил охранять этот участок. Вот я и хозяйничаю. Здесь нет ни выстрелов, ни звука топора. Так-то вот.

Хозяйка загадочно посмотрела на меня, потом спустилась в подполье и достала оттуда две пары лыж: мою и свою.

— Я думала, что ты убежишь, — произнесла, улыбнувшись, она. — Был тут однажды «турист» из города. Сфотографировал меня с птицами, записал что-то в блокнот и скрылся. Не прошло и недели, как вдруг пожаловали ко мне в заказник два хапуги с ружьями. Не успела я их задерживать. Штук десять тетеревов и рябчиков убили. А птенцы в то время были ещё глупыши, в пуху. Сколько сирот осталось! Вот я и о тебе подумала нехорошо. Наверно, думаю, тоже из браконьеров. Птиц пришёл стрелять. Ну, решила, проучу его, чтобы больше не совал сюда носа и другим наказал.

— Хорошо проучила, — горько улыбнулся я.

— Зато колдунью посмотрел, — засмеялась хозяйка. — А ведь колдуньей меня почему-то окрестил «турист». Вот и пошла молва. Чего только в деревнях не плетут про меня!

— Но ты, действительно, как сказочная волшебница, — не без гордости заметил я. — Едва ли ещё есть где такие.

— Почему же нет? — возразила хозяйка. — Я знаю одно лесное хозяйство. Директор там не то Кимов, не то Ким, по имени Михаил Алексеевич.

У него не только птицы, а и дикие звери на зов идут. Олени там дикие есть. Клички им даны: Мартин, Красавка, Гордый, Бородач. Крикнет будто бы Михаил Алексеевич: «Мартин, Мартин!» Глядь, из дремучего леса мчится к нему олень! А ты говоришь...

Старушка смолкла. Задумалась.

— На какие же средства живешь ты? — любопытно спросил я.

— Пенсию за мужа получаю, ну и зарплата. Хватает. Осенью мне из района шефы на целый год завозят и муки и разных продуктов. На лодках завозят. Тут ведь поблизости речушка течёт, да и дорога теперь под боком. Недавно на лесные разработки провели.

К полдню метель совсем утихла. Я стал собираться домой. Свой радиоприёмник я подарил хозяйке. Она пошла меня провожать. Попутно понесла и подкормку в лесные кормушки для птиц.

— А ты никому не говори про меня и не пиши, — сказала хозяйка на прощанье. — Не надо. Ну а если уж надумаешь, то хоть место не указывай. Ты лучше печатным словом разъясни людям про радость и пользу для человека от птиц и полезных животных. Вот про это и пиши.

Я обещал выполнить её просьбу.

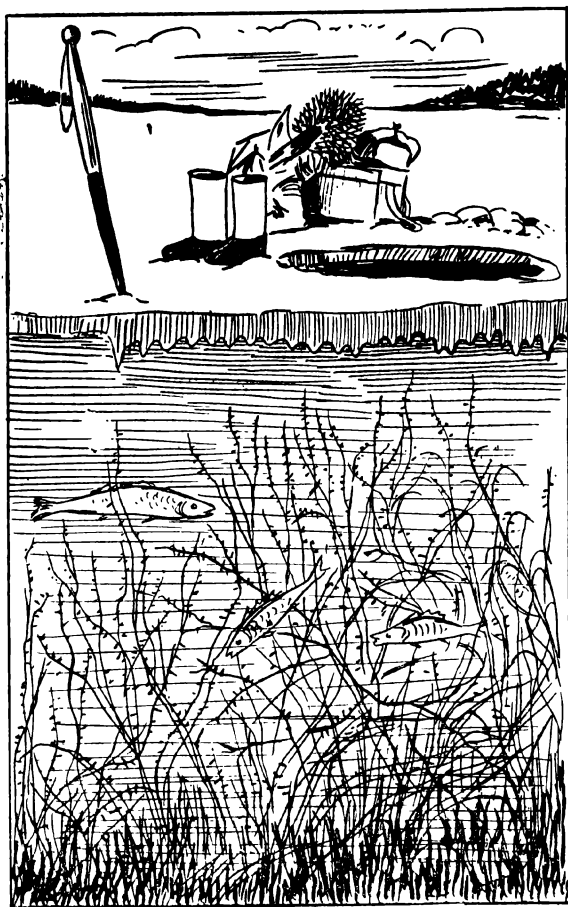
Творчество ЮНЫХ

Н А С Т А Р Т Е

Вдруг пронеслось: «Они
на эстакаде!»
Всё стихло вмиг. Гул миллионов
смолк.
И в тишине, привычки старой
ради,
Раздался голос: «Ну давай,
браток!»
Лифт поднимался медленно
к кабине,
И, подпирая неба высоту,
Стоял корабль незбылемой
твердыней,
Готовый тотчас мчаться в пустоту.

Им гладит лица августовский
ветер,
Они стоят у люка — семь
мужчин...
Их к дальней, неизведанной
планете
Готов нести могучий исполин.
Над ними небо — высоко,
бездонно!
И где-то позади остался страх.
А там, внизу, рокошет изумлённо
Людское море в солнечных лучах.

Володя КРАСНОРОГОВ
213-я школа, 8-6 класс.

Где рыбак-аквалангист?

(Загадочная картинка
А. Илючека)

Денёк отличный —
небо чисто,
Мороз... А рыба
не клюёт!..
Ищи в пруду
аквалангиста:
За рыбой он нырнул
под лёд.

Латури-то чуча!

Под ногами похрустывал вереск. Солнце давно потерялось за тучей, которая теперь уже разлилась по всему небу. Не переставая гроыхало. Вскоре пошёл дождь.

Наши уже расположились на привал в каком-то сарае и о чём-то жарко спорили. Мы пошли к ним.

— Вы бы взяли да выгнали вашего Трифунова, — говорил Вовка, — и предложили бы работать кому-нибудь другому. Народу, что ли, нет?

— Вот-вот, — улыбнулся Морж. — Наш Толя Зайцев то же самое говорил, когда мы после этого случая собрались и стали думать, как нам быть. Выгнать — проще простого. Нет, не годится; значит, нам цена грош в базарный день.

— Это о чём? — шёпотом спросил я у Оли.

— О бригаде. Почему бригада, в которой он работает, не получила звания коммунистического труда. Из-за одного их товарища. Жадина,

и всё для себя старается, а для других — ничего.

— Думали мы, думали, — продолжал Морж, — ничего не придумали. Но с Толей не согласились, накрепко. Решили: пусть работает, а сами делаем вид, будто ничего не случилось. Работаем, ничего. С Михаилом разговариваем, как всегда. И бригадные дела обсуждаем при нём, да всё равно что без него. Тут он вроде бы как чужой. А чужим быть в коллективе, сами понимаете, не очень-то приятно. Трифунов слушает, но помалкивает. Ладно, думаем, молчишь, ну и молчи себе на здоровье. Почему мы так поступали? А вот почему. У каждого человека есть руки, ноги, глаза, уши... Правда ведь? И у каждого человека совесть есть. У каждого. Надо только заставить её заговорить. А это-то самое трудное. Для этого время нужно. А тут ещё приключилась одна история. Ехал Миша на своём мотороллере куда-то и...

— Перевернулся? — с испугом спросила Оля.

— Нет, налетел на грузовик. Из больницы на завод позвонили. Посовещались мы, собрали деньги, купили кой-чего — и к нему. Родных-то у него никого, один. Входим. Лежит, в бинтах весь. Встретил он нас, виду не подал, рад или нет. Поговорили о том, о сём. И вдруг он спрашивает: что нас завком послал к нему или сами пришли? Смеёмся: конечно завком, приказом по заводу! Понял, что шутим, но, видно, удивился, как это мы после всего того, что было, решили его навестить. Ну, мы посидели, сколько разрешалось, ушли. Через три дня я один к нему пришёл. Надел халат, а сестра мне и говорит: «Вы бы не ходили к больному, расстраиваете вы его, а ему покой нужен».

«Чем же мы его расстраиваем?» — «Не знаю, но в прошлый раз вы ушли, а он плакал потом, весь вечер успокоиться не мог».

«Да нет, — говорю, — мы ничего плохого не делаем».

Пролежал Миша полтора месяца, выписался. Встретили мы его на машине, домой отвезли.

А на заводе мы ещё одну вещь придумали. Договорились с директором, чтобы его бюллетень не учитывали, а считали, будто он работал в бригаде, как обычно. Мы норму выполнили за себя и за него, и даже больше, и премию получили. Настал день зарплаты, Трифунову за всё время, что пролежал, полностью заплатили да плюс премию.

— А он что? — нетерпеливо спросил Вовка.

— Повертел в руках деньги, потоптался и ничего не сказал. Ушёл.

— Ничего-ничего? — удивилась Оля.

— Нет. Но это ещё ничего не значит. Бывает, что человек много болтает, благодарит, рассыпается в любезностях, а сам остаётся тем, чем был. И наоборот.

— Ну, а если он не исправится? Тогда что? — взглянул на вожатого Серёга. — Жалко ведь будет, обидно: столько возились...

Станислав Владимирович выпрыгнул из сарая, запрокинул голову, — дождь уже только накрапывал.

— Скоро должен пройти... Ты говоришь: «не исправится». А чего ему исправляться? Он человек не плохой. Своё дело делает, не пьёт, не хулиганит. Но нам, я имею в виду людей советских, этого мало. Нам надо, чтобы он не только добросовестно исполнял своё дело, но и понимал, зачем он его делает, ради чего. Вот поэтому-то человеку навстречу нужно идти, если он к тебе не идёт. Идти и звать его к себе. А то ведь бывает: я — человек гордый, ни к кому на поклон не пойду. Надуется «гордый человек» и ждёт, когда к нему придут кланяться, просить его дружбы или помощи. Может быть, он и сам страдает, сам мучается своим одиночеством, но гордость, как резиновый шар, до того раздулась, что всё остальное хорошее засло-

нила. Ну, а мы всех к себе зовём. Понятно?

— А если не придёт? — продолжал наступать Серёга.

— Придёт. Обязательно придёт. Одному всегда хуже.

— Станислав Владимирович, а к нам в гости ваша бригада не приедет?

— В гости? Может быть, приедет. За Мишу Трифунова ничего не скажу, а другие сами хотят с вами познакомиться.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ШЁЛ я и думал: а я человек гордый или нет? Могу я навстречу другому пойти? А Вовка? Вовка не гордый. Вот Климка — другое дело. Он сам говорил, что у него друзей нет. Он навстречу не пойдёт.

— Раз, два, левой... Раз, два, левой!..

Прожва! Прямо к реке подходили сосны. Одна стояла на самом-самом краю красного обрубленного берега, и корни её спутанной бородой свисали над обрывом. Речка была тихой, спокойной и, наверное, не очень глубокой.

Мы постояли на берегу, покидали в воду шишки и пошли выбирать место для палаток. И вдруг слышали голоса. К нашему удивлению, это оказался третий отряд. Опередил! Мы были уверены, что ребята где-то плетутся позади, а они уже успели прийти и поставить палатки. И конечно вы-

брали себе самое лучшее место!

— Ничего, места хватит всем, — утешал нас, как маленьких, Станислав Владимирович. — Они удачнее маршрут выбрали, короче. Ну и быстрее пришли.

Мы нарочно не захотели разбивать лагерь рядом с ними и нашли место чуть подальше, метрах в двухстах. Это была поляна, окружённая со всех сторон кустами и деревьями, ровная, как футбольное поле. Только посередине была неглубокая ямка, заросшая мелкой травой. В ней мы решили развести костёр.

— Ну, за дело! — прогудел своим басом Станислав Владимирович. — Кто будет палатки ставить? Кто разжигать костёр?..

Распределились быстро. Я попал в команду «стройтреста», Климка тоже. А Вовка — в команду «поджигателей»: на их совести были костёр и топливо. Девчонки — команда «супкаша» — должны были приготовить ужин.

— Кто меня возьмёт в свою команду? Обязуюсь хорошо работать, — сказал Станислав Владимирович, — без замечаний.

— К нам! — закричали «поджигатели».

— Нет, к нам! К нам! — вопили «супкашки». — Мы вам две порции дадим! И ещё добавку.

— Спасибо, я пойду в «стройтрест».

— Ура-а-а! — Это кричали мы.

КОГДА всё было готово, я взял полотенце, мыло и спустился к реке. Но никак не мог найти чистого удобного места. Тогда я пошёл по берегу, в противоположную сторону от лагеря соседей. За кустом, повисшим над водой, я заметил Олю. Она так наклонилась вперёд, держа в вытянутой руке удочку, что казалось, будто она сейчас обязательно свалится в реку. Рядом была воткнута в берег вторая удочка.

— Неужели клюёт? — спросил я громко и чуть-чуть насмешливо: очень уж непривычно было видеть девчонку за таким занятием.

Не оглядываясь, она грозно помахала рукой, чтобы я молчал. Тогда я тихо подошёл к ней.

Красный шарик опять ушёл под воду, поднялся, снова исчез и снова появился. Оля замерла. По-моему, она не слышала и не видела ничего, кроме яркого буйка и беспокойных кругов от него. А поплавок танцевал, дразнил и вдруг исчез... Удилище спружинило, и над водой, поблескивая, пронеслась рыбка. Чуть не задев меня, она упала в траву.

— Окунишка, — сказала Оля, отцепляя крючок. — Больше всего люблю ловить окуней: уж цапнет, так цапнет. Ну обожди же, открой рот! — Окунёк бил хвостом, выпучив глаза и растопырив колючий плавник на спине.

Я быстро сбегал за своей удочкой и вернулся к Оле.

Тут появились Серёга с

Борькой Пончиком.

— Пошли на «разнобой», — сказал рыжий Борька. — Наш отряд вызывает.

— Что это ещё за «разнобой»? — спросил я.

— Будем драться, кто чем захочет, — лихо ответил за Пончика Серёга. — Я тебя из пушки, ты меня из рогатки...

Оля прыснула, не удержалась.

— Бессовестный, всю рыбу распугаешь, — и взяла в рот кончик косы, чтобы больше не смеяться.

Мне стало обидно: всегда-то Оля хохочет, когда болтает Серёга. И вообще мне хотелось, чтобы он ушёл и Борька тоже ушёл. А они, видно, не думали сматываться: расселись, начали тары-бары...

— Ну, так ты идёшь? — спросил Олю Борька и встал.

— Нет. Мы пришли рыбу удить, а играть можно и в лагере.

— И я не пойду, — ответил я.

Обнявшись, Борька и Серёга заголосили какую-то песню и пошли дальше собирать ребят на «разнобой».

Мы осмотрели наших червяков и снова забросили удочки.

— Кто тебя научил рыбу ловить? — спросил я.

— Папа и дедушка. Мы каждое лето ездим на лодке и ловим рыбу. На реке столько интересных вещей! Нужно только внимательно смотреть. Один раз папа говорит: «Взгляни-ка, что это такое в воде?» Гляжу, чудище какое-

то: и рыба и не рыба... Спряталось в тени от лодки, не двигается, только хвостом помахивает. А там, где у рыбы голова должна быть, тоже хвост, и тоже шевелится. Ничего не понимаю. Подошли мы с папой осторожно поближе и... Знаешь, что оказалось? Оказалось, это был маленький, вот такой окунь. Он заглотал рыбину почти такую же, как и сам. Заглотал, да, видно, пожадничал: хвост наружу...

— Правда? Как же это так?

Оля пожала плечами:

— Хищник! Мы его спугнули, так он выплюнул рыбешку и удрал.

Чтобы не остаться в долгу, мне хотелось поделиться с ней чем-то таким же необычным и

интересным. И я стал рассказывать про Малуню, как она родилась и погибла. Говорю, а сам думаю: если узнает Вовка, что я проболтался, да ещё девчонке, ох, и злиться будет! И я клятву нарушаю! Но ведь Вовка сам обещал Моржу покаяться перед всеми ребятами в своей вине. В последний день. Ну а я это сделал на пять дней раньше, и не перед всеми, а перед одним человеком. Что же здесь такого?

А ещё я подумал — вдруг она начнёт смеяться над нами? Но Оля слушала, повернувшись ко мне, очень внимательно и молчала. Глаза её сделались большими-пребольшими, а щёки разрумянились. Когда же рассказ подошёл к концу и я признался, что «гидрум» исчез, она схватила меня за руку и спросила:

— И вы так и не нашли его? Я покачал головой.

— А какой он, «гидрум»? Ты можешь его нарисовать?

— Конечно могу, — ответил я и принялся чертить прутиком на мокром песке.

Оля задумалась и вдруг сказала:

— Мне кажется, я видела эту штуку. Дня два назад.

— Где? — От неожиданно-сти я чуть не подскочил.

— У нас в лагере. Я видела, как её нёс какой-то человек. Я ещё подумала: зачем это он тащит такую тяжесть? Ведь у нас рядом нет ларьков, где бы принимали металлолом.

— Что это был за человек, ты не помнишь? Наш, лагерный?

— В том-то и дело, что чужой. Лагерных я всех знаю. А этот незнакомый... Невысокий, в кепке... Чуть-чуть прихрамывал... Если бы я знала, что это очень важно, я, конечно, лучше бы запомнила.

— Но куда хоть он шёл? — допытывался я.

— Не знаю... Я его встретила за корпусом «Б».

Я поднялся. Что же делать? Надо обо всём рассказать Вовке, но он, конечно, сразу поймёт, что я проболтался. Бежать одному в лагерь? Что это даст? Скоро наступит ночь, а что ночью найдёшь? И где искать? Хорошо, если кто-нибудь посчитал наш «гидрум» металлоломом. А если?.. Меня даже в жар бросило от такого предположения. А если кто-нибудь пронюхал, что это часть межпланетного корабля

из другого мира, и охотится за ней? Украл её у нас? Но кто это может быть? Ведь о находке знали только трое — Вовка, Станислав Владимирович и я. Вовка и я — отпадаем. Станислав Владимирович? Морж? Нет, это невозможно. Кто же тогда?

Темнело. Начали жалить комары. Над нами висели мошкаринные облачка. Мы свернули удочки. Я взял клятву с Оли, что она никому не будет болтать про Малуню, а потом предложил пойти в третий отряд на «разнобой».

Мы пришли, когда спор подходил к концу. Вокруг костра сидели «противники»: наши — команда «мечтателей» и третий отряд — команда «сосунков». А в стороне стояли Станислав Владимирович и Леонид Иванович. Это были судьи, члены жюри. Они решали, кого премировать пряником, кого печеньем, а кого шишкой.

— Спрашивают «сосунки», — громко произнёс Леонид Иванович. — Отвечают «мечтатели». Последняя серия: «природа».

«Сосунки» пошептались, пошептались и вытолкнули вперёд Валю Макееву, тихую, застенчивую девочку. Валя оглядела всех нас и сказала дрожащим голосом:

— Скажите, кто чаще машет крыльями: муха или комар?

«Мечтатели» сбились в кучу. И мы с Олей залезли в самую серёдку. «Муха...» — «Нет комар...» — «Нет муха...» — «И ничего подобного, комар,

конечно, больше...» — «Откуда ты знаешь?..» — «Я всё знаю», — сказал Вовка.

Шептались, шептались, но никто толком всё-таки не мог ответить на сосунковый вопрос. А время бежало. «Противники» торжествовали:

— Шишку им! Шишку! Не знают...

Климка волновался, как на уроке, и тёр лоб:

— Ведь я где-то читал... Частота колебаний крыльев у мухи не то сто пятьдесят, не то двести пятьдесят в секунду. А у комара...

И вдруг я всё понял: это же просто! Летящая муха гудит, а комар — пищит. Значит, частота колебаний мушиных крыльев меньше, чем комариных! Я сказал об этом ребятам.

— Точно, Митька! Давай, выкладывай!

Станислав Владимирович уже поднял руку: сейчас пройдёт несколько секунд и... Тут поднялся я и с важным видом повторил свою догадку всем. «Сосунки» сразу скисли.

— Вас удовлетворяет ответ? — спросил их Леонид Иванович.

Тут же нам был вручен пряник за сообразительность.

— Задайте такой вопрос, — сказала Оля, — кто кукует в лесу: кукушка-самец или кукушка-самка?

Теперь задумались «сосунки». Но ненадолго.

— И самки и самцы, — бойко произнёс Борис. — Нас не поймает.

— Вот и ничего подобного!

Шишку, шишку! — кричали «мечтатели».

— Значит, вы не согласны? — проговорил Леонид Иванович. — Тогда ответьте сами.

Пришлось отвечать Оле. Она глубоко вздохнула и, тебя толстую косу, сказала спокойно:

— Тот звук «ку-ку», который мы обычно слышим в лесу, издаёт только самец-кукушка. А самка кричит совсем по-другому.

— Таким образом, — подвёл итог Станислав Владимирович, — команда «сосунков» вполне заслуженно получает основную шишку первого сорта.

Мы аплодисментами приветствовали заявление члена жюри, но в это время поднялся всё тот же Пончик и, размахивая руками, заговорил с совершенно серьёзным видом:

— Команда «сосунков» не может согласиться с таким решением жюри. Мы сказали, что кукует самец и самка. На самом деле оказалось, что только самец. Значит, мы были правы наполовину. А раз так, давайте нам печенье.

— Жюри поставлено в чрезвычайное трудное положение, — заявил шутливо Станислав Владимирович, — и оно вынуждено посоветоваться.

А мы начали повторять хором:

— «Со-сун-кам» печенье! «Со-сун-кам» печенье!

— Хорошо, печенье за находчивость, — сдалось жюри.

Тут уж хлопали все. И поздравляли Пончика.

Мне понравилось, что в этой игре никто друг на друга не злился, не ехидничал, не зло-радствовал. И я подумал, что, наверное, люди и должны жить так всегда и во все времена.

(Всё-таки при подсчёте оказалось, что выиграли «сосунки». В восьмой главе, которую мы опускаем, рассказывается об окончании этого похода. Расположившись у большого костра, ребята поужинали. Потом пели и слушали рассказы Станислава Владимировича о разных важных вещах.

В этой же главе Митя Лунев вспоминает, как он познакомился с Вовкой, и размышляет о том, почему у Вовки дурной характер.)

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

МЫ ВОЗВРАТИЛИСЬ в лагерь к вечеру, не зря прохोдив почти два дня. Всё-таки мы поели ухи, хоть она была жидкой и рыба не каждому досталась. Вовка выловил всего-навсего одного язя. Но зато никто язей больше не поймал, даже Станислав Владимирович, и Вовка заважничал. А Серёга вообще потерял крючок. Он пришёл к костру с пустыми руками и сказал, что больше любит ловить рыбу в кастрюле.

Оля забрасывала удочку до тех пор, пока мы не отправились в обратный путь. Свой улов она принесла в лагерь и угостила столовского кота, лентяя и забияку, который уплел рыбу за какие-нибудь две минуты.

После леса, палаток, реки

лагерь показался мне настоящим городом: каменные корпуса, скамеечки... Я уже успел отвыкнуть от всего этого.

— А знаешь, «гидрум» ведь украли, — сказал я Вовке.

— Ну да! Кто тебе сказал?

Я объяснил, что по дороге у нас с Олей зашёл разговор о металлоломе и что Оля сказала, будто видела, как хромой дядька тащил какую-то странную вещь. По её описанию, это был наш «гидрум».

Как опытный сыщик, Вовка стал допрашивать меня: когда, где она видела хромого, как он был одет... Потом поскрёб в затылке и задумался.

— Эх, чёрт, если бы сразу!.. А теперь поди ищи его.

И всё-таки мы решили ещё раз осмотреть территорию лагеря. Вдруг «гидрум» лежит где-нибудь?

(Разыскивая в кустах «гидрум», наши герои натолкнулись на деревенских ребят под предводительством Васи, которые играли в войну. Эти ребята сказали, что видели «гидрум» около колхозной кузницы. Все вместе пошли туда, но, к великому огорчению Мити и Вовы, там лежала какая-то старая тяжёлая ось.

В этот же день пионеры открыли памятник погибшим воинам. На митинге Оля увидела хромого, того самого, который, по всей вероятности, унёс «гидрум». Однако этот человек бесследно исчез.)

ПОСЛЕДНИЙ туристский поход был назначен на воскресенье. Станислав Владимирович собрал отряд и объявил, что в поход мы пойдём... одни, самостоятельно. Только выберем старшего и

совет группы. От такого предложения все пришли в дикий восторг, а Вовка с Серёгой пустились в пляс. Я даже испугался, что Морж сразу отменит это решение. Но он только посмеивался.

— Посмотрим, чему вы научились за лето. Но, — поднял палец вожатый, — давайте сразу, здесь же, договоримся о самом главном: беспрекословно слушаться старшего и членов совета. Если кто возражает, поднимите руку.

Конечно, дураков не нашлось.

Общим голосованием старшим выбрали Лёшку Грачёва, а в совет, кроме него, — Ксану Василькову и меня. Вот уж не ждал, что выберут меня!

Свою туристскую группу мы назвали «Восток».

Полдня ломали мы наши бедные головы над тем, чтобы путешествие было поинтересней, но, кажется, напрасно. Тогда позвали совет «Метеора», — так стал именоваться третий отряд.

В конце концов все вместе мы приняли решение: обе группы — «Восток» и «Метеор» — станут действовать строго по приказам. За их выполнение будут насчитываться очки. Та группа, у которой их окажется больше, завоюет приз (какой, мы ещё не решили). Конечно, общее количество возможных очков должно было быть одинаковым для них и для нас. Было ещё и такое условие:

За выполнение каждого

пункта приказа полностью — двадцать очков.

За выполнение каждого пункта приказа не полностью или с ошибкой — десять очков.

За любое нарушение приказа очки не засчитываются.

Чтобы в группах не жилили, мы дали право присуждать и учитывать очки членам совета и ещё двум специальным контролёрам: нашим — в «Метеоре», а их — в «Востоке».

Эти условия мы объявили всем перед строем.

Станислав Владимирович сказал, что если мы ему доверим, то приказы он возьмёт на себя: так будет интереснее. Ясное дело, мы согласились.

Все принялись готовиться к походу. Я достал кусок верёвки, спрятал в рюкзак, купил коробок спичек в деревенском магазине, — тоже спрятал. Фонаря у меня не было, но я его заменил свечкой. Не будет ветра, можно зажечь. Насдирал с валежника берёсты больше чем надо... Словом, я хотел быть готовым к любым случайностям.

На заседании советов мы договорились, что маршрут составит километров 20—25, но где он пройдёт, пока не будет знать никто, кроме четырёх человек — вожатых и старших. Не то вдруг случайно проболтаешься и весь интерес к походу сразу пропадёт.

Этим четверым досталось больше всех. Они сначала прокладывали путь по карте, потом за день обошли его.

Меня удивило, что Леонид Иванович не разрешил своим

ребятам идти одним. Сначала я был уверен, что он шутит, но потом от моей уверенности ничего не осталось.

Нам не везло: испортилась погода. В пятницу к вечеру примчался ветер, нагнал туч, которые потом потихоньку исчезли, оставив вместо себя густую серую мглу. Хуже ничего нельзя было придумать.

Мы бродили по корпусу, и никто не знал, чем бы заняться.

Тут вошёл, напевая что-то, вожатый. Он всегда был бодрый и весёлый, его никаким дождём не проймёшь.

— Что делаем? Насколько я понимаю — ничего. Тогда давайте все за круглый стол. Все: мальчики, девочки... «Восток», ко мне!

Через пять минут весь наш отряд сидел за большим круглым столом. Мы гадали, что предложит нам Морж. А он дождался тишины и сказал:

— Ну вот, ребята, остались... Да, собственно говоря, ничего уже не осталось. Скоро вы все будете дома, пойдёте в школы. Сегодня очень хороший день...

— Вот уж хороший! — громко заметил Стёпчик.

— ...Потому что сегодня мы можем спокойно поговорить. О чём? — Станислав Владимирович заложил руки за спину и прошёлся по комнате. Перед тем как сказать что-то важное, он всегда морщил лоб и делал долгую паузу. — Вернее, о ком. О самих себе. Непонятно? Вы все прожили под одной крышей целый месяц, а кое-кто и

вдвое больше, и съели вместе не один пуд соли. Правда? Вот пусть каждый и скажет открыто, начистоту, что он думает о своём товарище, какие черты видит в нём хорошие, а какие — плохие. Ну, а сначала, конечно, каждый пускай оценит самого себя.

Вожатый опять помолчал и добавил:

— Вырастете вы и будете жить в такой стране, где всё должно быть самым хорошим — люди, их отношения, вещи, погода... Всё! А кто вам поможет стать лучше, как не свой же товарищ? Согласны? Поэтому наш разговор — назовём его «начистоту» — не игра... Ну, начнём с тебя...

На мои плечи опустились тяжёлые руки. Я даже вздрогнул от неожиданности. Что же сказать о себе? Что я лентяй, и мама заставляет меня учить уроки «из-под палки»? Что я грубо отвечаю ей, когда у меня плохое настроение? Кому это интересно? И потом, как-то жалко наговаривать на себя...

— Ну, что?..

Я провёл ногтём по скатерти и пожал плечами.

— Ты нравишься себе? — спросила Ксана. — Вот если бы ты встретился с таким человеком, как ты, что бы ты сказал о нём? Хороший человек?

— Конечно, — ответил я, не подумав.

Все разом грохнули, точно из пушки. А я понял, что получилось не очень-то скромно, даже глупо.

— А чего вы смеётесь? — встал на мою защиту Клим-

ка. — Митька и правда хороший человек.

— Чем же хороший? — пискнул Стёпчик. — У него, говорят, четвёрка по поведению.

— Правда? — спросила Маша.

— Это было давно, в первую четверть, — мрачно сказал я.

И принялся рассказывать о себе. Про лень, которую я всё-таки стараюсь победить, про грубость... Начистоту так начистоту!

Мне было интересно узнать, что думает про меня Вовка. И Оля. Но Вовка молчал. А Оля сказала, что я честный и правдивый, отзывчивый (наверное, вспомнила, как я ей палец перевязывал), но есть у меня одна черта, которая ей не нравится. Это моя вспыльчивость.

Что верно, то верно. Бывает. Но откуда она узнала, где подглядела?

Вовка всё же выдавил из себя, что я «ничего», «хороший парень».

Он сидел рядом. Он должен был сразу после меня говорить «начистоту». Я видел, как он нервничает, вертится на стуле. У меня даже мелькнула мысль, что он хочет смыться. Но зря подумал.

То, что он сказал о себе, меня страшно удивило. Он заявил всем, что он плохой человек, знает это, но ничего не может поделать с собой. Хоть режьте. Вот уж никогда не думал, что Вовка такого мнения о себе!

И чтобы показать, какой он

плохой, Вовка сообщил, что с Лунёвым, то есть со мной, тогда ночью ходил он. Ходить ходил, а честно сказать об этом никак не мог решиться. Он рассказал всё-всё: про наши походы, про Малуню, «гидрум» и даже про Стёпину майку. Я смотрел на стекло, по которому без конца съезжали капли, и радовался за Вовку. Как я радовался! Всё-таки сдержал слово, поборол себя!

Ребята слушали его, а я перемигнулся с Олей: теперь наша с ней тайна уже не тайна!

Когда он замолчал, я незаметно просунул под столом руку и, крепко пожав Вовкину, прошептал:

— Латурито чуча!

— Батосуран!

Мне было приятно произнести наш девиз и услышать отзыв.

«Гидрум» произвёл на всех потрясающее впечатление. О Вовке как будто даже забыли.

Когда порядок был восстановлен, слово попросил я.

— Мамонтов — мой друг, — сказал я, — и я знаю его лучше, чем все остальные. Он, конечно, врёт, что он плохой. Хуже то, что он так думает про себя. Человек должен себя ценить, уважать, но и уметь видеть свои слабые стороны и исправлять их. А так, если я знаю, что я плохой, и ничего не могу с собой поделать, то мне всегда будет хорошо и спокойно. Плохой, что с меня возьмёшь!..

Я добавил от себя всё, что знал об истории с Малунией, расписал Вовкино умение при-

думывать всякие игры и сказал, что его признание — признак исправления. Здрóрово гладко получилось, откуда только слова пришли.

И хоть я защищал его, как мог, от ребят ему всё же досталось. И, если говорить честно, правильно досталось. Как и мне тоже. Но, по-моему, Вовка был даже доволен: всё-таки его, наверное, мучила совесть.

После Вовки встал Вошилов. Климка нахмурил брови и произнёс отчетливо:

— Я не буду говорить о себе и не хочу, чтобы меня обсуждали. Я сам лучше всех знаю, чего мне не хватает.

— Ого! — воскликнул Серёга.

Климка сел и подпёр рукой подбородок. Мы все молчали.

— Тогда пусть Оля... — начал Коля Шелест.

— Конечно, Вошилов может не говорить о себе, — прервала его Ксана, — и может не слушать, что ему говорят. Но я скажу. В том, что он заявил, весь Вошилов. Немного надменный, немного холодный, немного самоуверенный...

И пошла, и поехала!.. А почему человек должен обязательно горячим быть и неуверенным в себе? Мне, например, Климка нравится. Пускай он не так быстро зажигается, как Вовка, зато всё, что он делает, делает солидно, прочно и толково. И знает больше. Я начал говорить об этом, но Ксана обрушилась на меня:

— Ты всех защищаешь, просто у тебя доброе сердце.

— Вот и нет, не всех... А насчёт Климки я не согласен. Могу я иметь своё мнение?

В конце концов затрещали все разом, и поднялся шум. Только Климка упорно молчал да Станислав Владимирович.

Наверное, от этого шума все устали, потому что когда слово дали Оле, уже никто даже не бормотал.

Вот уж в ком я не видел недостатков, так это в Оле! Мне хотелось сказать о ней что-нибудь хорошее, но я вспомнил, что сказала про меня Ксана, и решил молчать. Даже отвернулся к окну.

Оно было всё таким же мутным и таким же забрызганным дождиными каплями. Неужели завтра будет то же самое?

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

МНЕ ПОКАЗАЛОСЬ, что я проснулся первым. Чуть-чуть приоткрыв один глаз, я попытался узнать, что делается на улице. Нет, солнца не было... Эх, значит погорел наш поход?!

Но бодрствовал не один я. С улицы вошёл, стараясь не шуметь, Лёшка Грачёв, уже одетый и умытый. Он увидел меня и сказал:

— Буди потихоньку ребят. В поход идём.

Я вскочил с кровати и бросился к Вовке, Климке...

— Вставайте, в поход!

— Тише! Я же сказал тише! — злился Лёшка. — Подъём только в наших отрядах.

Никогда ещё мы не поднимались с такой быстротой.

Пришёл Морж, велел как следует подумать, что взять с собой. А мы уже и так давно собрались. Только рюкзаки на плечи...

Позавтракав, выстроились на площадке. Прибежали два метеоровских контролёра — два «шпиона», как мы их прозвали. Конечно, один из них был Пончик. Самых дошлых ребят выбрали! А мы послали к ним контролёрами Серёгу и Машу.

Лешка отдал рапорт вожатому. Станислав Владимирович принял его и стал провожать нас последним напутствием:

— Ещё раз напоминаю: вы идёте одни. Главное — точное выполнение приказа. Всякая недисциплинированность ведёт к потере очков, к проигрышу. Итак, приказ номер один. Группе «Восток» выступить в семь тридцать. Направление — село Лабутино. Прибыть в село не позднее девяти тридцати. — Вожатый снял с руки часы и передал их Лёшке. — Вы знаете все, где село. Путь простой, по дороге. Это, ребята, задание на выдержку. Сумеете ли вы за два часа пройти десять километров?

— Сумеет, подумаешь... — загалдели мы.

— Вот увидим. Задание будет считаться выполненным, когда вы дойдёте до берёзовой аллеи. Там, не входя в село, вы делаете привал: за десять минут разбиваете две палатки, разжигаете костёр с одной спички, варите обед из трёх блюд. Обед в тринадцать тридцать. Отдыхаете, готовитесь к следующему этапу...

— А как мы узнаем, что потом делать? — спросил Коля.

— Не торопись. Я ещё не кончил. Как только встанете на привал, вскрыете пакет номер один; прочитав документ, вскрыете пакет номер два. — С этими словами Морж протянул мне два белых конверта, запечатанных крест-накрест настоящими сургучными печатями.

Я поскорее схватил пакеты, чтобы кто-нибудь не сделал этого раньше, и стал рассматривать их. На каждой из пяти печатей был чётко виден герб. Но не наш, обычный, а какой-то особенный. В центре взлетала ракета, наверху знамя перекрещивалось с горном, а по бокам расположились изломанные молнии. Три буквы — ЛЧБ (две посредине и одна внизу) дополняли герб.

Конечно, все, кто стоял рядом, стали тянуть шеи ко мне. Всем хотелось посмотреть и потрогать печати. Я собирался спросить, что означают буквы ЛЧБ, но вожатый нахмурился, и я поскорее сунул пакеты за пазуху.

— Я буду в штабе, — продолжал Станислав Владимирович. — Местонахождение

штаба вы узнаете. Всё. Кому что непонятно, спрашивайте.

Мы вышли из лагеря, когда «Метеор» ещё продира́л глаза. Леонид Иванович суе́тился, кому-то делал вы́говор... Так всё-таки он и не отпустил ребят одних!

К БЕРЁЗОВОЙ аллее мы подошли, когда часы показывали двадцать минут десятого. Но и шли же мы! Не шли, а мчались. Лёшка то и дело смотрел на стрелки «Салюта» и ускорял шаг. Уже через полчаса Стёпчик захныкал:

— Привал когда будет?

— А правда, не мешало бы «привалиться». — У Стёпчика нашлась поддержка в лице рыжего Борьки.

Но я понял, в чём тут дело. Борька не так уж устал. Просто ему нужно было, чтобы мы опоздали. Глядишь, уже на десять очков меньше! Знаем мы таких!

— Это нечестно, — сказал я рыжему, когда мы остановились, — ты для нас никто. Понял? Вот и помалкивай в тряпочку.

Пончик только расхохотался в ответ.

Он вообще с самых первых шагов начал жилить. Едва мы подошли к аллее, как он заявил, что время засчитывается не по первому, а по последнему. Видел, что у нас ребята растянулись, и давай свои правила вводить. Стали мы палатки ставить, с часами бегают, секунды вымеряет. Но всё равно ни в чём не удалось подловить нас.

Разбив палатки, ребята окружили меня. Надо было вскрывать конверты. У меня почему-то дрожали руки, когда я вынимал их из-за пазухи. Взяв пакет номер один, я поднял его над головой, чтобы все видели, потом сорвал печати и вынул приказ.

— Значит, будем думать все! — приказал я и спрятал второй пакет обратно.

Мы расселись кружком на траве около палаток и стали думать.

— У кого есть бумага и карандаш? — спросил Вовка.

Ксана достала блокнот и выдала всем по листику. Нашлись и карандаши.

— У, это очень просто! — сказал Мамонтов. — Простая подставка.

Все подсади к нему. Вовка принялся водить карандашом по листку с приказом:

— Глядите, вот какое-то слово оканчивается на звёздочку и ноль. И ещё одно, и ещё... Я думаю, что, это скажу... ну, как их... глаголы...

И верно. Может, отсюда и надо начинать

разгадывать? Я уже решил, что сейчас приказ будет прочитан. А Вовка продолжал:

— Раз это приказ, то все глаголы в нем приказательные.

— Повелительные, — поправил Климка.

— И должны кончаться на «ть», — даже не взглянув на Вошилова, закончил победно Вовка.

— То есть звёздочка — «т»,

Исх.
№ 086/54

Особо секретно

Группа „Восток“

Приказ № 2.

3?2*617*0 3 1500 5* 5'08x? 39'57

890437 2:9x538*0 15 807ф6*6 x5 3?3#9'5

0835x8 25'1:8245 1:846 08 309фx 16*7

25808*0 19088077 70 10 90802*3944?w *083

6a74 3 2000 5*357 3 2100 ф92*5

45-:9'8 ф8:0=707 ф8#744?7 08: x935=17

742*06ф94*8:048x 1:8x538x 0835x8

15x99ф 0730 x8:0497#77 16*0 2'9x53847y

3 0900

08x8479 481728*0 72*5070 0835x8

(1078:707*9:045 1000 2:53)

309фx ф520532059

Δ:0 = #7Q08

ИТАД

Климка присвистнул, заглянув в бумагу. А у меня зарыбило в глазах.

— Поняли? — ехидно спросил Климка. — Думать надо.

— А может, в конверте ещё что-нибудь осталось? Ну-ка посмотри!

Я заглянул в конверт. Ясное дело, он был пуст. Но мне никто не верил, и все щупали пакет, лезли в него носами, руками, рассматривали на свет.

а ноль — мягкий знак? — уточнил Лёшка, а когда Мамонтов кивнул утвердительно, спросил: — Может, ты мне тогда назовёшь слово, которое оканчивается на три мягких знака?

— На три-и?!

— Это, должно быть, мягкое-премягкое слово, — весело сказал Климка.

— А ну вас к чёрту, — обиделся Вовка.

— Нет, правда, смотри: двойка и три нуля. Что это твоёму? Или пятнадцать и два нуля?

Вовка ничего не ответил. Он посидел ещё немного, потом вдруг встал и разорвал свой листок, а клочки скомкал.

— Ты чего это? — спросил я.

Он махнул рукой:

— Пойду лучше костёр разжигать. С одной спички.

Вслед за ним поплёлся Стёпа, для которого думать было самым трудным занятием, и, конечно, Пончик.

Ну и Морж! Сочинил же такую штуку!

Мы сидели, лежали на животах, ходили. Климка в ярости кусал карандаш, Лёшка сидел и качался в раздумье, Оля сосредоточенно изучала иероглифы...

— Нужно найти какую-то систему, — пришёл я к выводу. — Всё-таки, по-моему, не

так уж трудно разгадать.

— Это и без тебя все знают, — возразил Климка. — Нужен ключ, ключ шифра. Но вот где этот ключ?

— Ключ шифра? — переспросила Оля. — Подождите, подождите...

Мы подскочили к Оле. Она лежала на траве и что-то быстро-быстро писала. Я заглянул в листок. Её карандаш ставил точки, одну за другой, и изредка вписывал буквы. Наконец она закончила. Вот что у неё вышло:

.....и.ра.. ..лй ..рк.и
..л...а.. .. а.и....ш... ..а...а
...ла... ла.. ..а ..р... ..и ...ра..
..р.арий и. .. л.кар..... ..ра.
..и.й.чл..а
..ал.чики ..аши...й ..алчки
и...р.....ал..а. кла...а. ..а... а
.....ал...йший л...а.и.
.
..а.а.и. ..а.и.а.. и...рию ..а...а
(..ри.ли.и..л... .. л..)
..р... ..к...к.

— Откуда ты эти буквы взяла? — удивился Климка.

— Очень просто, — ответила Оля и поторопилась объяснить. — Посмотрите на шифрованный приказ, внимательно-внимательно...

— Ну? — враз воскликнули мы.

(Окончание следует)

ПОСТРЫЕ ЗАМЕТКИ

Францию и Англию разделяет пролив Ламанш.

Пока что из французского города Кале в английский город Дувр можно добраться только на пароходе. На протяжении долгих лет создавались десятки проектов сухопутной

Всё-таки тоннель

дороги через пролив. Выходов было два: либо строить мост длиной в 33 километра, либо проложить под проливом тоннель. По мосту пошли бы автомашины, по тоннелю — поезда.

Конечно, и мост и тоннель очень помогли бы обеим странам. Так почему же до сих пор не строили ни того, ни другого?

А всё дело в том, что и в Англии и во Франции власть находится в руках капиталистов. Одни владеют железными дорогами и поездами, другие — шоссейными дорогами и автомашинами, третьи — пароходами. Одним выгодно построить тоннель, другим — мост, третьим — вообще ничего не строить. Попробуй-ка тут договориться!.. Вот и шли десятилетиями споры, что же строить?

Недавно спорящие стороны, кажется, наконец, договорились. Правительства Англии и Франции объявили о достигнутом соглашении: к 1970 году через Ламанш будет построен тоннель и по нему пройдёт железная дорога.

* ~~~~~ *

МЛАДШЕМУ — 4, СТАРШЕМУ — 83

На традиционном переезде, проводимом австралийской газетой «Ньюс», прозвучал старт. В путь двинулось 348 человек. Предстояло пройти по шоссе 15 миль. Первым переход закончил Эдвард Уэстберг, затратив на него 2 часа 21 минуту. А когда на финише уже все успокоились, показался ещё один участник перехода — четырёхлетний Джон Бэйрд. Он прошёл весь путь за 7 часов. Старейшему участнику перехода было 83 года.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ МАЛЬЧИК

В Англии три года назад родился мальчик, который не ощущает боли. Впервые это заметила мама, когда ребёнок в возрасте одного года прокусил до кости палец и не обратил на это внимания.

Для врачей юный англичанин — сплошная загадка.

АВТОРУЧКА БЕЗ ЧЕРНИЛ

Интересный прибор для письма сконструирован одной американской фирмой. По виду он ничем не отличается от обычной авторучки. Но для того, чтобы писать, ему не нужны чернила. Их заменяют ультразвуковые волны, излучаемые маленьким кварцевым генератором. Кончик пера, скользя по бумаге, оставляет на ней стойкие и чёткие следы.

РАДИОПРИЕМНИК В... УХЕ

В Нюрнберге (ФРГ) открыта выставка изобретений жителей города. В разделе новейших изобретений представлен миниатюрный радиоприёмник. Он весит всего 30 граммов и вставляется в ухо. С его помощью можно принимать передачи на расстоянии до 20 километров от радиостанции.

...нашими учеными сконструирован прибор, с помощью которого можно подсчитать запасы сельди в просторах океана? Это подводный фотоавтомат «ПФА-3». Благодаря ему можно не только подсчитать запасы этой ценной рыбы, но и с большой точностью определять её местонахождение. Выяснилось, например, что количество сельди в обследованных районах Атлантического океана в 50 раз больше, чем это было установлено прежним траповым способом подсчёта.

○

...немецкими судостроителями сконструирован подводный «вертолёт»? Он может достигать глубин до 7 тысяч метров. Погружение и всплытие подводного «вертолёта» осуществляется при помощи двух винтов, а управление под водой — поворотным винтом, расположенным в хвостовой части корпуса.

○

...в полярных районах наблюдается так называемый песочный снег, выпадающий при очень низких температурах? Он состоит из мельчайших частиц и очень шершав. Лыжи и санки по нему не скользят.

○

...в Югославии изобретён аппарат — физиологический вибратор, который устраняет усталость, ускоряет бег крови в организме? Изобретатели утверждают, что одна минута действия аппарата заменяет три часа отдыха.

○

...рыбу можно ловить с помощью... звука? В районах, где обнаружены большие косяки рыбы, устанавливаются специальные генераторы, которые, излучая звук, «запирают» рыбу в «ультразвуковой мешок».

○

...астероидами, или звездодобными, называются малые планеты? Такое имя эти небольшие обитатели Вселенной получили потому, что в телескоп (невооружённым глазом их не видно!) они кажутся маленькими движущимися звёздочками. Самая крупная из них Церера, её поперечник равен приблизительно 770 километрам. Самые маленькие из известных — размером в километр. Они движутся вокруг Солнца по орбитам, большая часть которых за-

ключена между орбитами Марса и Юпитера. Открыто уже около 1600 малых планет.

○

...земная ось тоже не стоит на месте, а перемещается? А раз так, то перемещаются и точки полюсов. Учёные даже подсчитали, с какой скоростью «путешествует» полюс. Скорость эта невелика: 7—8 сантиметров в год. Правда, были периоды, когда она достигала и 17—20 сантиметров в год. Сейчас северный полюс движется по направлению к территории нашей страны.

○

...с древнейших времён славится великолепным качеством краска, добываемая из чернильных желез морского моллюска — каракатицы? Учёные установили, что ископаемые остатки каракатицы, жившей десятки миллионов лет назад, до сих пор содержат чудесную прочную краску.

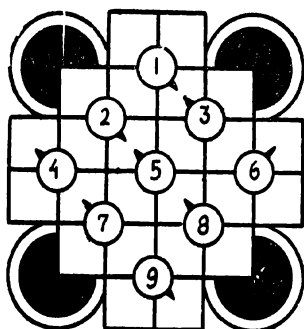
○

...в Англии инженеры-изобретатели создали маленькую «ручную» ракету-двигатель? На вид — это обыкновенная трубка в полметра длиной и диаметром в 150 миллиметров. Конькобежец, держа эту ракету-двигатель в руках, может катиться по льду со скоростью до 30 километров в час.

КРОССВОРД

(Составила Нина ВАСИЛЬЕВА
Кикерино)

Все слова этого кроссворда — четырёхбуквенные. Их нужно вписывать по часовой стрелке вокруг со-

Отдел ведёт В. Акентьев

ответствующей цифры, начиная с клетки, отмеченной стрелочкой.

1. Шахматная фигура. 2. Искусство. 3. Государство Латинской Америки. 4. Пушной зверь наших лесов. 5. Приток Волги. 6. Растение, размножающееся при помощи спор. 7. Город, столица Йемена. 8. Род артиллерийского снаряда. 9. Спутник Земли.

ПЯТЬ СЛОВ

(Составил Володя СТРУЕНКО, Ленинград)

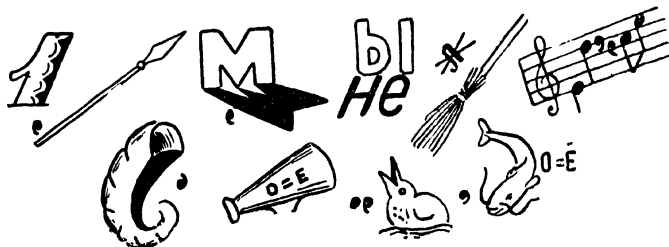
Впишите в горизонтальные ряды слова так, чтобы уже вписанные буквы **ЛБ** соответственно вошли в них.

Все слова должны быть именами существительными в единственном числе.

Л	б				
	Л	б			
		Л	б		
			Л	б	
				Л	б

РЕБУС

(Составила Лида ПЕТРОВА, Ленинград)

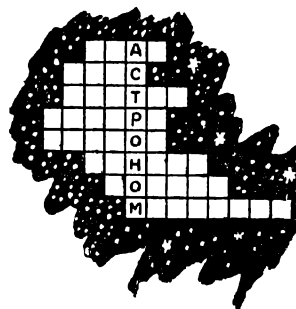
Разгадав этот ребус, вы прочтёте старинную русскую пословицу...

Ничего, что пословица старинная, — она и сейчас верна.

ЮНЫМ АСТРОНОМАМ

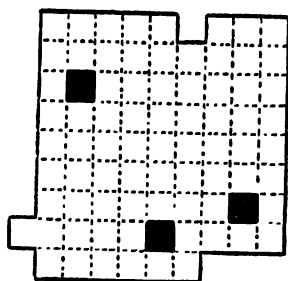
(Составила Таня НАЗАРЬЕВА,
430-я школа)

Рассмотрите внимательно рисунок и подумайте, какие слова лучше всего вписать в горизонтальные ряды, при условии, что уже вписанные буквы войдут соответственно в ваши слова...

КОМПОЗИТОР

(Составил Серёжа БЕЛИМОВ,
479-я школа)

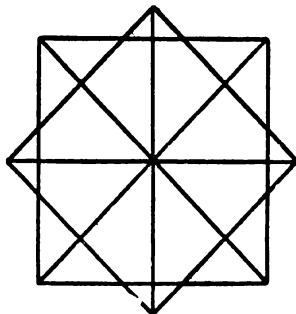

Разрежьте эту фигуру на семь букв и составьте из них фамилию известного советского композитора, автора массовых песен («Партизан Железняк», «Песня о Щорсе», «Катюша» и др.).

Все буквы должны быть «одного роста».

СКОЛЬКО?..

(Составил Арон ФРАДКИН,
240-я школа)

Подсчитайте, сколько здесь треугольников?

Считать нужно не только маленькие треугольники, внутри которых нет никаких линий, но и большие, составленные из двух или нескольких меньших треугольников. Внутри таких «составных» треугольников, конечно, будут какие-то линии...

Проверь себя

(Ответы и «Искорие» № 3)

КРОССВОРД

По вертикали. 1. Каска. 2. Парта. 3. Тьма. 4. Дебют. 5. Минус. 7. Тире. 10. Кашалот. 12. Крейсер. 13. Шквал. 14. Сопка. 15. Куб. 17. Обь. 21. Армия. 22. Кошка. 24. «Аида». 25. Арена. 26. Дания. 27. Зима.

По горизонтали. 3. Тема. 4. «Дым». 6. Альт. 8. Кабинет. 9. Лайка. 11. Актёр. 13. «Штосс». 15. Кушак. 16. Озеро. 18. Белка. 19. Кисть. 20. Магазин. 23. Каюта. 26. Дрозд. 28. Ромашка. 29. Акын. 30. Яна. 31. Игра.

РЕБУС

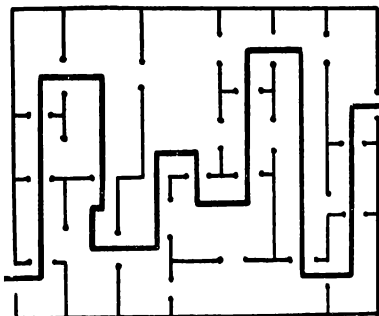
Пример лучшего правила.
ЗАДАЧА С КОЛЬЦАМИ
«Борис Годунов».

РЕШЁТКА

По горизонтали. 1. Велосипед. 2. Локомотив. 3. Декорация.

По вертикали. 1. Человек. 2. Молоток. 3. Лимонад. 4. Ревизия.

КАК ПРОЙТИ?

Решение смотрите на рисунке.
СКОЛЬКО?

Восемнадцать.

МЕТАГРАММА

Ворона-ворона.

СОДЕРЖАНИЕ

У памятника Ильичу. Стихотворение Н. Новосёлова . . .	1
История одного поиска. Очерк Я. Длуголенского и Г. Петрова	2
Восхождение на Ротхорн. Стихотворение Л. Стекольниковой	13
Платок ткачихи. Очерк В. Грусланова	15
Три рассказа Ильи Дворкина	19
Что наделала река. Стихотворение В. Сулова	31
Колдунья. Рассказ Ф. Зубарева	33
На старте. Стихотворение Володи Краснорогова	43
Латурито чуча! Продолжение повести Андрея Островского.	44
Пёстрые заметки	60
Клуб смекалистых ребят	62

На 1-й странице обложки рисунок художника Ю. Шабанова «Звёзды зовут».

На 2-й и 3-й страницах обложки — иллюстрации к очерку «История одного поиска».

На 4-й странице обложки рисунок художника Г. Ясинского.

Редактор А. А. БЕЛЯКОВА

Адрес редакции: Ленинград, Д-23. Фонтанка, 59, комната 115
А-2-87-55

Сдано в набор 20/II 1964 г. Подписано к печати 6/IV. 4 печатных листа.
М-31128. Заказ № 293. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 75 000

Типография имени Володарского Лениздата. Ленинград, Фонтанка, 57

Весенние заботы

Цена 10 коп.

